

ОТ ЛАУРЕАТА
ПРЕМИИ
*Рукопись
года*

Ида МАРТИН
**ТО, ЧТО ДЕЛАЕТ
МЕНЯ**

МОЯ СУММА РЕРУМ

Ида Мартин
То, что делает меня
Серия «Виноваты звезды»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38975079
То, что делает меня: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-111253-0

Аннотация

Одиннадцатиклассник Никита вынужден переехать к отцу и отправиться в новую школу. Но прежде чем он успевает познакомиться со своими непростыми одноклассниками, ему в руки попадает чужой загадочный телефон. Однако все начинается не с таинственных сообщений, приходящих на этот сотовый, и не с прекрасной рыжеволосой девушки, заставившей его с первого взгляда потерять голову. Все начинается с твердого решения Никиты – доказать всем, что он чего-то стоит.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	42
Глава 4	62
Глава 5	81
Глава 6	102
Глава 7	127
Глава 8	141
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Ида Мартин

То, что делает меня

© Ида Мартин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*В каждом человеке солнце, только дайте ему
светить.*

Сократ

Глава 1

Первый удар пришелся в солнечное сплетение, дыхание перехватило, я согнулся пополам, и в ту же секунду чья-то здоровенная ножища в грязной потрепанной кроссовке впечаталась прямиком в нос. Резкая боль отдалась в висках, в глазах потемнело, и я беспомощно завалился на бок. Теперь меня пинало уже несколько ног.

На то, что меня не станут бить, я надеялся до последнего. Наивно было рассчитывать уболтать их, но попытаться стоило.

Вероятно, привязались они возле салона сотовой связи. Но понял я это, когда уже успел прилично углубиться во двory. Хотелось поскорее рассмотреть новый пятидюймовый мобильник «сяоми» – папин запоздалый подарок на семнадцатилетие. Достал его из коробки прямо на ходу. Стоило поменять карту памяти еще в салоне вместе с симкой, но на радостях я слишком торопился. Вытащил «сяоми», кинул коробку в пакет и, выковыряв малюсенькую карточку из своего старого желтенького «Самсунга», аккуратно вставил в тонкую щель. Воткнул наушники, открыл плей-лист – красота. Все снова вернулось на свои места. Мои мелодии, мои мысли, озвученные чужими голосами, мой личный, неприкосновенный мир.

В качестве лучшего лекарства от стресса «Пилоты»¹ советовали делать ароматизированные свечки с запахом далекого детства. И я подумал, что такие свечки мне бы очень понадобились. Потому что слово «стресс» вот уже который день было моим вторым именем.

Я сделал бы свечи с запахом моря, нагретого песка и прохладных простыней отеля. Ароматом маминых духов «Гуччи», лимонного освежителя из ее машины и «Альпийских лугов», которыми пахли все наши вещи до тех пор, пока Игорь не сказал, что магазинные ополаскиватели могут вызвать аллергию. Всем тем, что ушло и уже больше никогда не повторится. А еще этим последним днем лета: городской пылью, бензином, разбитым арбузом на асфальте и пластиком нового моби́льника. Днем, когда единственное, что у меня осталось своего, – только вот этот мир в наушниках.

Я был слишком поглощен мыслями, чтобы глазеть по сторонам. Очень глупо и легкомысленно, особенно когда ты в новом районе и от метро до дома ходил всего один раз. А как поднял голову, понял, что заплутал.

Незнакомые дома, дворы, маленькие асфальтовые дорожки, детские площадки, припаркованные у подъездов машины. Все как везде. Но куда идти, я не имел никакого представления.

А те парни, как шакалы, все это время шли по пятам.

---

¹ «*Twenty One Pilots*» – американская группа.

Местная шушера – человек пять или шесть. И когда я сообщил, что происходит, было поздно. Дорога вела мимо старых зеленых гаражей: глухое место, народу никого, хотя времени всего-то начало шестого, я один, а они чуть ли не в затылок дышат. Идут, гогочут, отпускают мерзкие шуточки.

Я сунул телефон в карман шорт, ссутулился и стал прикидывать, получится ли убежать, если неожиданно сорваться с места, или лучше попробовать договориться. Но тут как раз противный, гнусавый, голос окликнул:

– Слышь, пацан, одолжи телефончик.

Ладони миготом вспотели, под ложечкой засосало. В голове не появилось ни одной отмазки. Я ускорился и приготовился рвануть, бегал я все-таки неплохо, но в этот момент кто-то сзади резко дернул за пакет. Ручки оборвались.

От неожиданности я притормозил, и уроды тут же окружили меня.

– Мобилу давай, – прогнусавил развязный прыщавый парень на вид чуть помладше меня. Во всяком случае, ниже и худее.

Остальные противные морды злорадно оскалились. С радостью бы плюнул в каждую из них, но для такого финта крутости мне явно не хватало, да еще и в чужом районе.

У него была синяя футболка с надписью «Just do it later». И я, вместо того чтобы ответить что-то достойное, почему-то стал думать о том, как это вышло, что Шая Ла Баф² так быст-

---

² Шая Ла Баф – американский актер.

ро вырос.

– Накидай ему в рыло, – крикнул кто-то сзади.

И это наконец вывело меня из ступора.

– Да ладно вам, – сказал я как можно небрежнее. – На фи-га вам телефон? От них мозги закипают. У нас в школе одному чуваку в прошлом году из-за трубки голову оторвало. Вот так взял чужой телефон без спроса, а тот бац – и взорвался. Новая корейская фишка, антивор, типа. Нелегально, конечно, но офигенно эффективно. Я за это приложение пятьсот рублей выложил. Но пока не проверял.

– Че ты гонишь? – озадаченно протянул прыщавый.

Его стая притихла. Слушали.

Я очень рассчитывал на то, что с минуты на минуту по этой дорожке кто-нибудь пройдет и шакалы не станут меня трогать на глазах у прохожих.

– У тебя новый телефон, ты бы не успел ничего установить, – заявил высокий кудрявый парень, видимо, самый сообразительный из них.

– То приложение у меня на карте памяти. И как только попадает в устройство, сканер головы тут же активируется.

– Что за сканер? – недоверчиво и злобно прищурился прыщавый.

– Ну как, – я добавил в голос нотки уверенности, – знаешь же про распознавание лица? А тут сразу определяются очертания головы владельца. Это же корейцы, они по технологиям скоро Китай догонят.

В тот момент я все еще надеялся, что обойдется, но, наверное, переоценил их терпение и способность воспринимать информацию, потому что прыщавый ударил резко и неожиданно, так, что я даже закрыться не успел.

А уже после того, как я свалился и меня захлестнула волна боли, я вдруг вспомнил, что на первых «Трансформеров» мы ходили вместе с папой, когда он еще жил с нами, и Шэе в том фильме было примерно столько же, сколько мне сейчас. Только у него был Оптимус, а у меня только два обычных телефона, которые ни во что не трансформируются. И которые кто-то бесцеремонно вытащил из кармана в ту же минуту, как я о них подумал.

Но тут послышались другие голоса, удары прекратились, и я еще толком не понял, что чувствую, как кто-то потряс за плечо:

– Ты как?

Я открыл глаза и сначала увидел перед собой голые загорелые коленки, а потом и молоденькую девушку в короткой коричневой юбке, присевшую возле меня. У нее были рыжие волосы и огромные янтарные глаза с длинными черными ресницами. Тогда она показалась мне невероятно красивой.

Осторожно приподнявшись на локте, я вытер разбитый нос. Вид крови меня прилично подкосил, поэтому пришлось откинуться на спину, чтобы не дай бог девушка заметила, что я совсем раскис.

Тело ныло, во рту скопилась противная кровавая слюна, в голове будто пропеллер крутился.

– Жив? – темноволосый парень в легких песочных брюках и белой лакостовской рубашке-поло протянул руку.

Я машинально ухватился за нее и в ту же минуту был на ногах.

Девушка достала бумажные носовые платки и дала один мне, а другой парню, чтобы тот вытер испачканную в моей крови ладонь. У платка был приятный сладковатый аромат персика, и я решил, что этот запах теперь тоже надолго запомню.

– Спасибо, – сказал я, невольно хлюпая носом и чувствуя жуткий стыд из-за своего жалкого положения.

– Домой доберешься? – парень внимательно вглядывался мне в лицо.

У него были низкие густые брови и большие темные, с тяжелыми веками глаза, отчего пристальный взгляд тоже казался тяжелым.

– Надеюсь, – неуверенно отозвался я, а потом сразу решил пояснить: – Я в этом районе плохо ориентируюсь. Мне кирпичная семнадцатизэтажка нужна. Полукруглая такая, с арками. Там еще химчистка и парикмахерская.

Парень переглянулся с девушкой.

– Мы бы проводили, – сказал он после некоторого молчания. – Но и так на сеанс опаздываем.

– Иди вон до тех пятиэтажек, – девушка махнула рукой

в сторону, откуда я пришел, – за ними будет длиннющий белый дом, отделанный голубыми панелями. Вдоль него до школы. Затем через школьный двор, там с одной стороны детский сад увидишь, а с другой...

Она осеклась. По соседней дорожке медленно, с любопытством уставившись в нашу сторону, проехали двое ребят на большом черном мотоцикле.

Тот, что сидел сзади, в клубной футболке Манчестера, приветственно поднял два пальца вверх. Девушка помахала в ответ.

– После детского сада я найду, – прогнусавил я, зажав кровоточащий нос платком. – Спасибо.

Они быстро ушли, а я, подобрав затоптанные наушники, медленно двинулся в сторону пятиэтажек.

Телефон было жалко до невозможности. Я ждал его с июля, со своего дня рождения. Папа обещал подарок, как только я переберусь к нему. И это было единственной причиной, хоть как-то скрашивающей тягостную неизбежность переезда.

Переезжать я не хотел, и мы довольно сильно поссорились из-за этого с мамой. Целую неделю не разговаривали, а потом я, понадеявшись, что она передумала, попытался помириться, но оказалось зря.

– У меня тоже есть право на личную жизнь, – раздраженно заявила она. – Наконец все стало налаживаться, а тут ты со своими капризами. Семнадцать лет – немалый срок. Все это

время я занималась только тобой, а теперь у меня появился ребенок.

– Получается, я не твой ребенок.

– Ну, конечно, мой. Но далеко не ребенок. У тебя рост сто восемьдесят и нога сорок третьего размера.

– Сорок второго.

– Никита! Не нужно ерничать. Это не обсуждается. Летом отдохнешь у бабушки Гали, а с первого сентября как миленький отправишься к папе. Счастье, что он согласился тебя взять.

– Мам, прошу, – я очень старался договориться по-хорошему. – Хочешь, буду помогать с Аленкой? Могу на молочку ходить и во всей квартире хоть каждый день убираться.

– Это всего на год. Как закончишь школу, что-нибудь придумаем.

И так это просто получалось: «всего-то на год». Может, для нее год не срок, а как по мне, так целая вечность. Триста шестьдесят пять дней заточения в невыносимых условиях. А ведь я ничего плохого не сделал, ни в чем не провинился, просто у нее «наконец все стало налаживаться».

Мама познакомилась с Игорем три года назад в Турции, прошлым летом они поженились, а этой весной родилась Аленка.

В целом Игорь был нормальный: ни плохой, ни хороший, обычный сорокалетний мужик – тренер в фитнес-центре, разведенный и повернутый на здоровом образе жизни. Вна-

чале он проявлял ко мне некое дружелюбие, даже радиоуправляемый вертолет подарил, но потом, после их свадьбы, я стал для него чем-то вроде мебели. Мое внимание ему тоже особо не требовалось. Зато мамино полностью переключилось на него.

– Можно мне хотя бы в школе своей остаться?

– Это на другом конце Москвы. Полтора часа дороги.

– Мне несложно, а новеньких нигде не любят. Их третируют и гнобят.

– В таком случае, – откликнулась мама довольно равнодушно, – у папы появится отличная возможность восполнить пробелы твоего мужского воспитания.

Сказала она это с такой долей скептицизма, что мне стало немного обидно за папу. Ведь, пока они не развелись, он занимался со мной не меньше, чем она. Дело в том, что у мамы был бзик – сделать из меня какого-то суперчеловека. Супергерения и супергероя в одном флаконе.

С двух лет меня ежедневно водили во всевозможные группы развития, кружки и секции: логопед, йога, ритмика, шахматы, английский, акварель, веселый счет, гимнастика, футбол, легкая атлетика, прыжки с трамплина, уроки красивого письма, артистическое фехтование... Перечислять можно было до бесконечности.

В будние дни мама возила меня на своей машине по всему городу, умудряясь одновременно еще и работать. Я вообще плохо помню ее без телефона в руке. У них с подружкой биз-

нес свой, туристический. Очень нервное и ответственное дело, поэтому вечером, когда мы наконец оказывались дома, а папа приходил с работы, родители начинали долго и неприятно ругаться, после чего папа прятался в моей комнате и читал мне книжки. Он говорил, что я действую на него успокаивающе. А в выходные дни на занятия я ездил с ним. И в кино мы вместе ходили, и на «Игромир». Папа, в отличие от мамы, никуда не мчался, не паниковал, не раздражался и, как ни странно, везде успевал. Одним словом, раньше папу я любил и готов был переехать к нему, даже бабушку бы вытерпел, но жить в одной комнате с его недоделанным приемным сынком было слишком.

– Умоляю, мама, я и дня не вынесу с этим придурком.

– Ваня не придурок. У него оценки лучше твоих. Он просто больной и очень несчастный мальчик.

– Но у меня здесь друзья и...

– Друзья? – мама закатила глаза, точно я сморозил невероятную чушь. – Вот только не нужно этой высокопарной лирики. Друзья, Никита, – это такой атавизм, пережиток прошлого, когда у людей было много свободного времени и они не могли справиться со своими проблемами в одиночку. А в современном обществе, в условиях жесточайшей конкуренции, дружба – это тебе не детсадовское «один за всех и все за одного», а осознанное взаимовыгодное сотрудничество, где люди приносят друг другу пользу. А от твоего Боряна и Вовки Петухова никакой пользы. Так что тебе вполне хватит

соцсетей, которые с переездом никуда не денутся.

И тут я понял, что больше уже не могу сдерживаться.

– Ах, так! Ну и ладно! Ты еще пожалеешь, – я же старался по-хорошему, но она сама не захотела. – Если меня из той школы выгонят, если я сбегу из дома или придушу этого придурка, не удивляйся. Все, что там со мной случится, будет на твоей совести.

Но мама закрыла уши ладонями и ничегошеньки не слышала. А потом все равно сделала по-своему.

Я прошел мимо пятиэтажек и обнаружил, что никакого длинного белого дома не вижу, а за последним корпусом начинается самый настоящий лес. И пока я растерянно стоял, соображая куда идти, по узкой асфальтовой дорожке, тянущейся вдоль леса, снова проехали те ребята на мотоцикле и, заметив меня, проводили долгим пристальным взглядом.

Я почесал обратно очень быстрым шагом, почти побежал. Мало ли что этим взбредет в голову.

Но только я дошел до перекрестка, чтобы попробовать другой путь, как из носа хлынула кровь. Платка больше не было, я зажал нос и кое-как доковылял до ближайшей лавочки. Сел и принялся утираться подолом футболки, хорошо, что она была бордовой, и кровь на ней выглядела не так ужасно. И тут я снова услышал звук мотора. Оторвал футболку от лица – и точно: подкатили и остановились. Пришлось сделать вид, что просто сижу и не замечаю их.

– Голову подними, – сказал один низким хриплым, как

говорят, прокуренным голосом.

Я не шелохнулся. Густые темные капли одна за другой появлялись на асфальте прямо между моими красными «конверсами».

– Хочет, чтобы у него мозг через нос вытек, – тот, что в «Манчестере», прыгнул с мотоцикла. Подошел, положил руку мне на плечо и с силой надавил. – Запрокинь голову, тебе говорят. И на вот, приложи.

Он сунул мне ледяную бутылку пол-литровой «Аква Минерале». Я осторожно посмотрел сначала на него, потом на того, что был за рулем. Оба улыбались так, будто увидели что-то смешное.

«Манчестер» – светловолосый невысокий, но крепкий, в узких подвернутых джинсах и полукедах без носков – похоже, был моим ровесником. Глаза у него были очень яркие, светло-синие и сияющие, а морда смазливая.

Другой, скуластый, с выбритыми висками и взъерошенной челкой, казался постарше. На нем были спортивные штаны милитари и черная футболка с Джокером Леджера, а на шее с правой стороны красовался большой черный дракон, точнее, его ощеренная пасть и изогнутая шея, тогда как туловище пряталось где-то на плече под футболкой.

Оба пацана, в отличие от той шпаны, которая меня кинула, выглядели очень спортивно и реально опасно, однако бить, похоже, не собирались.

– Не вытечет, – отозвался я. – Если бы он был, я бы сейчас

здесь не сидел.

Парень с драконом тоже слез с мотоцикла, подошел, достал пачку сигарет, раскрыл и протянул мне.

– Спасибо. Не курю.

Он пожал плечами, закурил сам и сел рядом со мной на лавку, а «Манчестер» остался стоять напротив, засунув руки в карманы и тихо посмеиваясь.

– Ты че, как щенок брошенный, по всему району мечешься? Заблудился?

– Немного, – признался я.

– Навалили? – хрипло спросил второй.

– Угу. Телефон забрали.

– Фигово, – сочувственно покачал головой Манчестер. – Хороший?

– Новый совсем. Только купил. И еще старый прихватили до кучи. Но на него плевать.

– Как выглядели?

– Пацаны. Лет шестнадцать-семнадцать. Человек шесть. Морды гнусные, но на деревню не похожи.

Парни многозначительно переглянулись.

– Ну а ты хоть кого-нибудь без зубов оставил? – тот, что с драконом, медленно выпустил изо рта дым.

– Вряд ли, – я вспомнил, как беспомощно валялся на земле.

– А что так? Не хилак вроде, – он пощупал мои бицепсы, и я почувствовал себя полным дураком.

Лицо у него было гладкое, точеное, с детским румянцем на скулах. Хорошее открытое лицо, только рваный шрам на подбородке, а нос немного длинноват и, похоже, сломан. Особенно это было заметно сбоку, когда он улыбался.

Поймав мой изучающий взгляд, парень вопросительно поднял брови.

– Прикольная тема, – я кивнул на дракона, – меня бы отец за татуху прибил.

Я был уверен, что мой интеллигентный и правильный папа в столь экстремальном случае вполне мог пойти на детоубийство.

– У меня отца нет, а матери без разницы, лишь бы не бухал.

– Моя мама сразу бы истерику закатила. Из-за школы в основном.

– В школе, конечно, вонь начнется, – кивнул он. – Они еще не видели. Ладно, отобьюсь как-нибудь.

– Вы из этой школы? – я кивнул в неопределенном направлении, потому что понятия не имел, где вообще нахожусь.

– Из этой? – спросил Манчестер. – Их там две рядом.

Номер я, естественно, не помнил, но кое-как объяснил, что там перед входом в школу стадион, а с другой стороны – аллея. И что я в нее пойду уже завтра.

– В какой класс? – заинтересовался Манчестер.

– Одиннадцатый «А».

– Это к нам, – он тут же протянул руку. – Леха.

Тогда второй тоже назвался:

– Тифон.

– Это фамилия?

– Это я, – он рассмеялся с той же низкой хрипотцой. –

Самое сильное существо в мире. Отец всех чудовищ. Монстр такой греческий, типа дракона. Повелитель ветров. Ну а по паспорту – Андрей. Откуда ты Ярова знаешь?

Он докурил и метко пукнул окурок в урну.

– Когда мы мимо ехали, ты с ними стоял, – пояснил Леха.

– В первый раз видел. Он тех пацанов круто разогнал. Хотя и пальцем никого не тронул.

И тут в один момент Тифон переменялся. Больше он не улыбался, спина выпрямилась, плечи расправились, приветливый прежде взгляд темно-серых, чуть прищуренных глаз стал колючим. От него повеяло опасностью и холодом.

Это произошло так неожиданно, что я растерялся, а Лехина комичная гримаса немного испуга окончательно сбила с толку.

– Да это он просто перед Нинкой выпендривался, – небрежно бросил Леха. – Яров вечно такой – хлебом не корми, дай попонтоваться. Если бы я с пяти лет всякими там карате и боксами занимался, от меня бы не только местная школотка бегала, но и вся Москва. От одного моего вида в обморок падали бы, – мол, капец, Леха идет.

Я засмеялся, Тифон тоже смягчился. Леха был из тех, кто отлично мелет языком.

– Ты прав, – сказал Тифон. – Раз чуваки сразу стреманулись Ярова, значит, кто-то из своих.

Леха радостно закивал:

– Про то и речь.

– Ладно, – Тифон ткнул меня в плечо и резко поднялся. – Идем, по району прокатимся, пока светло. Заодно и разберемся, кто тут крут.

Пошел, забрался на мотоцикл и завел мотор.

Я озадаченно посмотрел на Леху, но тот только руками развел и заговорщицки подмигнул.

– Чего застрял? – окликнул Тифон. – Садись. Я без причины не кусаюсь. Просто покатаемся, а как увидишь своих, дай знать.

– Каких еще своих? – не понял я.

– Тех, что тебя обули.

Мы проехали мимо гаражей, вдоль тех самых пятиэтажек, на которые показывала рыжая девушка, а потом свернули в соседний двор и подрулили к большой футбольной площадке, где с дикими криками гоняли мяч парней десять, не меньше. Тифон притормозил.

– Ну что?

– Нет, не те.

– Это Сетка, – пояснил он. – На будущее, чтоб ты знал, раз жить здесь будешь. Парни, тусующиеся на Сетке, могут навалить, только если «Спартак» обидишь. Ну или если станешь играть не по правилам.

– Я правила знаю. Семь лет при «Локомотиве» занимался, – сказал я без хвастовства. – В позапрошлом году бросил.

– Тогда тем более не суйся. У них есть свои чемпионы, которых обыгрывать не положено.

Затем мы остановились в небольшом сквере меж двух домов, неподалеку от деревянного столика с лавочками. Там сидела большая компания парней и девчонок. Громко играл «Тает лед», а они пытались его перекричать. Парни курили, матерились и тискали девчонок, девчонки визжали и крыли парней еще хлеще.

– Оставайся здесь, но смотри внимательно, – велел Тифон. – Тут есть такие, которые не то что за телефон, за косой взгляд без зубов оставят.

Он подошел к ребятам, поздоровался, постоял там немного, поговорил, потом вернулся.

– Не они, – уверенно сказал я.

– Это Гарики. У них главные два Игоря. Один из соседней школы, а другой в нашей три года назад учился. Потом в колледж ушел. Остальные – шваль со всего района.

Доехали до закрытого на ремонт детского садика, там, за решеткой на веранде, пили пиво пятеро угрюмого вида чуваков в бейсболках и широких майках, явно косящих под рэп-банду. Тифон, приветствуя их, поднял вверх кулак, чуваки ответили тем же. Но останавливаться он не стал, и мы просто прокатились мимо.

– Эти торгуют палеными и бэушными гаджетами. Все, что

нужно слить, им несут. Сами они обычно ничего не отнимают, хотя подраться могут. Постоянно с кем-нибудь враждуют: то с мигрантами, то с нариками, то гомиков гоняют.

Так мы объехали еще мест десять разных странных сборищ, даже зарулили в лес, где собирались бомжи, алкоголики и наркоманы, но своих обидчиков я не нашел.

– Ну что ж, – сказал наконец Тифон немного разочарованно. – Значит, не судьба. Давай-ка еще к метро сходим.

Он оставил мотоцикл на площадке у Сбербанка, но никаких замков вешать не стал.

– Самопал никому не нужен, – сразу пояснил он. – С ним геморроев не оберешься. Да и местные знают, что мой. Мужики, бывшие отцовские собутыльники из гаражей, подарили. Сами собирали и оформили через своих: типа движок у него пятьдесят кубов. Типа мопед. Но на самом деле до двухсот спокойно разгоняется.

Тифон хитро улыбнулся.

– Я в шлеме езжу, а там морды не видно. Все лето на нем проработал.

– А где ты работал?

– В интернет-магазине. Курьером. За три месяца тридцать тысяч получил, – похвастался он, а потом стал рассказывать, как его дважды пытались кинуть.

– Опасное дело, – сказал я. – Никогда бы не подумал. Лучше уж в Маке подрабатывать.

– В Маке? – Тифон недоверчиво покосился на меня. – В

Маке? Ты меня представляешь в Маке?

Его брови удивленно поднялись, и вдруг он закатился так, что аж прохожие начали оборачиваться.

– Вам здесь или с собой? Спасибо, что без сдачи. Свободная касса! Нет, ты меня представляешь в Маке?

Прежде с такими, как он, я никогда дела не имел. Мама называла их «улицей». По ее мнению, все неблагополучные и тупые дети с утра до вечера шатались по улицам и творили нечто противозаконное. Она очень боялась, что я не дай бог свяжусь с какой-нибудь дурной компанией, и это было еще одной причиной, по которой меня пихали во всякие кружки.

На первый взгляд Тифон был типичным представителем этой самой «улицы»: бесцеремонный и напористый, с нахальными, грубоватыми замашками. Он громко разговаривал, хрипло смеялся и шел через толпу напролом. А когда его кто-то задел плечом, запросто толкнул в ответ, даже не глядя на обидчика.

Вместе с тем от него исходил такой мощный заряд обаяния, уверенности и силы, что мне тоже захотелось понравиться ему.

Мы взяли три стаканчика шоколадного мороженого, себе и Лехе, и только отошли от палатки, как прямо напротив, из дверей «Пятерочки», вывалился высокий кудрявый лоб с охапкой чипсов, за ним двое мелких с колой под мышкой, а после нарисовалась и синяя футболка «Just do it later».

– Вот они, – я быстро схватил Тифона за локоть. – Вон те.

Он принялся крутить головой, а когда сообразил, на кого я показываю, недоверчиво хмыкнул.

– Че, Хорек? Реально? Тебя кинул Хорек со своими щенятами? Ну, капец!

И я снова увидел, как в долю секунды дружелюбный улыбающийся парень превращается в стремного уличного гопника. Сунув мне в руки свое мороженое, он торопливым шагом направился к пацанам.

Подошел, но руку никому не протянул и здороваться не стал. А сразу наставил палец на грудь того Хорька в «Just do it later» и стал что-то агрессивно втирать. Шакалы напряглись. У каждого на роже была написана растерянность, смешанная со страхом. Двое мелких попытались осторожно отойти в сторону, точно они не при делах, но Тифон грубо их окликнул, и они покорно вернулись. Затем Хорек послушно полез в карман своих спортивных и, вытащив оттуда – я не поверил своим глазам – мой новенький мобильник, отдал Тифону. Кудрявый нехотя достал второй телефон – желтый. Тифон отвесил ему легкий подзатыльник и, громко предупредив напоследок: «Это касается всех», вернулся ко мне.

Забрать трубки я не мог, потому что держал мороженое, и он сунул их мне в карман шорт.

– Спасибо, – я не знал, как его благодарить, – это самое крутое, что я вообще в жизни видел.

Тифон просиял и, по-детски довольно щурясь, горделиво закинул голову:

– Ну, так!

Бóльших благодарностей он и не ждал, а когда мы вернулись к мотоциклу, позвонил Леха и стал громко ругаться, что он уже выкурил всю пачку. Тогда Тифон забрал его стаканчик и, услышав, что от метро до дома я найду дорогу сам, просто уехал без каких-либо «приятно было познакомиться» или «увидимся в школе», так, словно просто мимо проходил.

Я достал спасенные телефоны. Оба в целости и сохранности, вот только старый желтый мобильник при ближайшем рассмотрении оказался не моим. Трубка выглядела точно так же: и размер, и цвет, за одним исключением – то была «нокиа», а не «самсунг».

Глава 2

Домой я вернулся около восьми. На пороге в васьковом халате и кухонном фартуке уже стояла разгневанная бабушка, а из комнаты выглядывал любопытный Дятел.

Бабушка начала с пол-оборота:

– Никита, так нельзя! Мы тут все на ушах стоим. Почему у тебя телефон отключен?

– Я собирался идти тебя искать. – Отец тоже в домашнем вышел из гостиной. – Новый район, ты мог заблудиться.

Но потом бабушка вдруг что-то углядела на моем лице и встревоженно вскрикнула:

– Что это? Тебя кто-то ударил?

А я ведь на радостях совсем позабыл о разбитом носе. Мгновенно прошмыгнул в ванную, но едва успел стянуть футболку, чтобы они не заметили пятен, как папа широко распахнул дверь.

– Бабушка задала тебе вопрос!

– Мама всегда велит сначала с улицы руки мыть, а потом уже разговоры, – я спешно включил кран и принялся мыть лицо, шею, руки по локоть.

– Значит, так: с мамой у тебя одни правила, со мной будут другие... – многозначительно начал отец.

– Нет, подожди, – бабушка отодвинула его, схватила меня холодной рукой за голое плечо и развернула к себе, а заметив

большущий, немного потемневший синяк на ребрах, ахнула.

– Это давно, – не моргнув и глазом, соврал я. – С велосипеда упал.

Но бабушка уже обнаружила ссадину на брови и фингал.

– Что случилось? – дрожащим голосом проблеяла она, старательно приглаживая мне волосы, так что я почувствовал еще и шишку на голове.

Бабушка всегда такая, пристающая очень. Мало того, что ей постоянно все нужно знать, так она потом еще нотациями замучает. В первое время после родительского развода, пока папа не женился на Аллочке, она частенько к нам приезжала, следила за моим воспитанием, но потом, когда появился Дятел, к счастью, переключилась на него.

Я удивленно посмотрел в зеркало, словно понятия не имею, о чем речь. Видок и в самом деле был не лучший. Бровь оказалась прилично разбита, и ссадина выглядела вполне свежей. Такую болячку трудно не заметить, так что вранье про велосипед точно не прокатит. Фингал же оказался небольшим, но ярким. Хорошо, нос больше не кровил, хотя я чувствовал, что он все же припух.

– А... это, – протянул я как можно беспечнее. – В витрину случайно врезался, когда из магазина выходил. Думал, дверь открыта. Такие стекла чистые у них в салоне, а я на телефон смотрел.

Отмазка сработала моментально, причем одновременно в двух направлениях. Бабушка сразу завела песню, что мы со

своими телефонами скоро без голов останемся, и про идиотов, ловящих покемонов на проезжей части, а потом сразу про то, что по улицам вообще нечего шастать, потому что в наше время ничего, кроме неприятностей, не нагуляешь. И уже на кухне, громыхая кастрюлями, продолжила про наркоманов и гопников.

А папа взял у меня новый телефон и унес к себе на диван – изучать.

И тут откуда ни возьмись возле меня нарисовалась Аллочка, сунула в руки какую-то страшную коричневую рубашку и давай сюсюкать:

– Не расстраивайся, малыш. Нам всем нужно время, чтобы привыкнуть друг к другу.

От этого ее «малыша» стало очень неприятно, точно я такой же инфантильный идиот, как ее сынок.

– Пойдем, я тебе рану обработаю.

– Не нужно, спасибо, – попробовал выкрутиться я, но не тут-то было.

– Просто перекинь и пластырь, – она потащила меня на кухню.

Кто бы сомневался, ведь Аллочка – врачиха и не дать мне умереть от царапины – это ее гражданский долг.

По правде говоря, внешне она была довольно красивая. Высокая, худощавая блондинка с тонкими чертами лица, чем-то смахивающая на Николь Кидман. Это у отца на женщин вкус такой. Потому что у мамы и Аллочки во внешне-

сти много общего. Только мама была пониже ростом, носила короткие стрижки и говорила то, что думает.

– Вот так, – Аллочка проделала непонятные манипуляции с моими волосами. – Если челочку набок зачесать, то пластырь почти не заметно.

В ту же минуту передо мной возникла дымящаяся тарелка с тушеной капустой, от одного запаха которой аппетит совершенно пропал.

– Ешь давай, – распорядилась бабушка.

У бабушки были медные, забранные наверх волосы, тонкие нарисованные черные брови и отличная для семидесяти лет осанка. В детстве она напоминала мне Фрекен Бок из старого мультика про Карлсона, только значительно худее. Бабушка работала в какой-то вузовской библиотеке и считала себя очень современной.

– Не хочу, спасибо, – я отодвинул тарелку.

– Как? – Она недоумевающе уставилась на меня.

– Аппетита нет.

Не мог же я вот так в первый день сказать, что в принципе терпеть не могу любые тушеные, пареные или жареные овощи, хоть и понимал, что такую еду мне теперь будут совать каждый день. Они все были фанаты рагу, фаршированных перцев, голубцов и прочей гадости.

Бабушка вытерла руки о фартук и, схватив меня за подбородок, заглянула в глаза. От нее пахло горячим маслом и жидкостью для мытья посуды.

– Голова кружится?

– Нет.

– Тошнит?

– Нет.

Однако мои ответы, похоже, ее совершенно не интересовали.

– Алла, ну-ка померь ему давление. Вдруг сотрясение.

– Валентина Анатольевна, если даже и сотрясение, то на давлении это никак не сказывается, – Аллочка тщетно пыталась запихнуть в забитую до отказа коробку с лекарствами остатки пластыря.

– Не нужно давление, – я отодвинул тарелку еще дальше и встал. – Лучше полежу.

– Правильно, ложись, – закивала бабушка, и ее пучок смешно запрыгал. – А я тебе сейчас пустырник заварю.

Я действительно мечтал поскорее упасть в кровать, чтобы немного переварить события прошедшего дня, однако впереди меня ждало самое суровое испытание.

Дятел был моим ровесником, даже на три месяца старше, но выглядел мелким, а по поведению тянул в лучшем случае класс на седьмой. Прежде я встречался с ним раза два в год, на днях рождения отца и бабушки. Папа всегда горел безумной идеей нас подружить. Но как можно подружиться с человеком, который напрочь вываливается из общепринятой системы координат? В первый раз я увидел его в десять лет и сразу же понял – отстой.

Весь бледный и дохлый, как жертва фашизма, он тошнотворно сюсюкался с отцом и был не в состоянии шагу ступить без одобрения взрослых. А меня вечно терроризировал своим малышowym конструктором в большом желтом ящике, машинками и наклейками.

Мама говорила, что Ваня очень несчастный мальчик, потому что в детстве переболел какой-то дурацкой фигней, и после этого у него теперь случаются приступы эпилепсии. И требовала, чтобы я никогда не грубил ему, не обижал и не ссорился. Поэтому раньше я вообще не хотел оставаться с ним наедине. Боялся, что он ни с того ни с сего вдруг упадет и начнет биться в судорогах.

Из-за этой болезни он в школу до четвертого класса не ходил, и, когда они с Аллочкой переехали к папе, бабушка с ним сама занималась, чтобы он по программе нужный класс догнал. С тех пор его просто переклинило на учебе: со слов бабушки, у него по всем предметам, кроме физры, были пятерки; и, хотя бабушка всегда все сильно преувеличивала, в случае с Дятлом я ей безоговорочно верил.

Только одно дело – изредка видеться, а другое – спать нос к носу, ходить в одну ванну и делать уроки в общей комнате.

Я прозвал его Дятлом потому, что как-то на дне рождения у бабушки папа шутил, что люди делятся на три категории: на сов – тех, кто встает поздно, жаворонков, которые ложатся рано, и дятлов, из-за которых совы встают рано, а жаворонки ложатся поздно. И что Ваня у них вот такой дятел.

Вечером не может уgomониться – со всевозможными разговорами пристаёт, а в выходные по утрам вскакивает раньше бабушки и ходит, дверьми хлопает, чтобы все поскорее проснулись и завтракать сели. Этим папа хотел сказать, что Дятел невероятно общительный и компанейский парень, и они все никак не могут понять, отчего это у него в школе с друзьями не складывается, чем насмешил меня так, что я аж куском колбасы подавился. Мне-то как раз было все ясно. И с возрастом ничего не изменилось.

В свои семнадцать Дятел носил однотонные унылые «сорочки», которые бабушка покупала ему на «Большевичке», застегивая их на все пуговицы под самое горло, слушал отстойные завывания доисторических персонажей типа Джо Дассена и Демиса Руссоса, потому что их любила Аллочка, и разговаривал папиными фразами: «позвольте не согласиться», «будьте любезны», «моя позиция в этом вопросе», и все в таком духе.

Он жалко лыбился по любому поводу, а если вдруг огорчался, то только нервно моргал, точно у него в мозгу короткое замыкание случилось.

Дятел был копией Аллочки: златокудрый и ясноглазый, с такой же милой, сладкой улыбочкой и ямочками на щеках. Посмотришь на него – и точно банку сгущенки за раз слопал.

У меня тоже светлые глаза, но волосы темные, и я, слава богу, похож на отца. А Борян, ну у него всегда воспаленная фантазия, считал, что я похож на внебрачного сына Питера

Паркера и молодого Кристиана Слейтера. Я несколько раз пытался выяснить, какого Питера Паркера он имеет в виду, но Борян лишь отвечал, что речь не про актеров, а про сам персонаж: Человека-паука.

А еще у Дятла была мания таскаться повсюду с книжками и заводить заумные беседы. Я тоже любил книжки, быть может, не меньше, чем кино или музыку. Но я читал для того, чтобы окунуться в какую-то другую жизнь, чтобы увидеть то, чего никогда не видел, почувствовать то, что никогда не чувствовал, а Дятел читал для знаний. Пачками поглощал всевозможную научную литературу и все подряд оттуда запоминал.

Как только я вошел в комнату, которая, после того как для меня поставили дополнительную кровать, стала похожа на спальный вагон, Дятел тут же отложил в сторону очередную «энциклопедию».

– Сильно ударился?

– Ты о чем?

– Ну, о стеклу в салоне. Больно было?

– Очень. Теперь вот голова кружится, – я обессиленно свалился на свою кровать через узкий проход от Дятла и сразу же отвернулся к стенке.

– Знаешь, я тоже один раз об угол двери стукнулся. Вот такая шишка была и вздулась за несколько секунд. Так смешно!

Смешно ему. Получил бы кроссовкой по морде, вот тогда

бы я посмотрел, как бы он смеялся. Перед глазами одно за другим закрутились недавние события. Как я шел и думал про свечки, как пакет оборвали и как я наплел про корейский «антивор». Потом вспомнились коленки той красивой девушки.

— А в прошлом году на меня книжная полка упала. Представляешь? Правда, она пустая была, ударила не сильно, но ссадина долго не заживала. Вот здесь.

Оборачиваться я не собирался. «Сяоми» остался у папы, музыку не послушаешь, да и голова реально гудела, а ребра немного ныли.

— Дай спокойно полежать.

— Ладно, — Дятел рьяно зашелестел страницами.

И все же мама не должна была так поступать. Мы с ней семнадцать лет жили под одной крышей, ругались порой, но не часто, даже несмотря на то, что она у меня вспыльчивая. Это ее работа такой сделала. Бывало, говорит по телефону, и слышу, как кто-то ей в трубку орет, а она хоть и злится, грубо отвечать не может, потому что это клиент. Зато как закончит, так давай меня прессовать, что, мол, свинарник в комнате развел или что чашку в гостиной оставил. И папу прессовала. За что, не помню. Только ругань помню. А стоило им развестись, как отношения у них сразу наладились.

И зачем я сказал, что не против переезда Игоря? Почему сразу не обозначил, что не нужны нам никакие чужие мужики? Маленький был и глупый, представить не мог, к чему

идет. Надеялся, что подружусь с ним. Но за три года все так перевернулось...

Игорь, в отличие от папы, не позволял маме на себя кричать. Раз собрал вещи и ушел, а она так перепугалась, что стала сама бегать за ним и во всем слушаться. Точно это не она, а какой-то совсем другой человек. Мне даже стыдно за нее немного было, ведь раньше никто не указывал ей, что делать.

Папе же я тем более не сдался, просто маме он никогда не мог отказать. Мы, конечно, с ним регулярно встречались, но в основном только потому, что так было надо. Он почти перестал говорить со мной обо мне и чем дальше, тем больше всего забывал: что у меня аллергия на шерсть, что я разговариваю во сне, что переболел ветрянкой в три года, даже что я левша, и то забыл. Вместо этого время от времени начинал говорить странные вещи: про то, как ходили за грибами, или про день бега, в котором он якобы участвовал, поддерживая мой класс, или о потерянном айпode. И мог так долго болтать до тех пор, пока не вспоминал, что это было не со мной, а с его ненаглядным Ванечкой.

– Никит, а Никит, – снова громким шепотом позвал Дятел, – не спишь?

Я промолчал, и он еще раза три повторил вопрос.

– Чего тебе?

– Как ты считаешь, параллельные миры существуют?

Он подполз к самому краю своей кровати и так громко

сопел, что я понял – если не отвечу, не отстанет.

– Без понятия.

– Понимаешь, с одной стороны, я признаю, что до тех пор, пока доказать их существование эмпирическим путем невозможно, то и говорить особо нечего. Это как с религией или внеземными цивилизациями. Но, с другой стороны, любые научные открытия начинаются с гипотез, – затараторил он со скоростью пулемета. – Ведь все рождается за счет случайных отклонений от среднего значения физических величин. Таких отклонений может быть сколько угодно много, и из каждого способна появиться своя вселенная....

Звучало нелепо. Чего ему сдались какие-то еще вселенные, если и в этой проблем хватало? То из дома выгоняют, то морду бьют, то пытаются накормить тушеной капустой.

Я резко повернулся в его сторону: мой взгляд должен был говорить сам за себя.

Дятел лежал на самом краю подушки и вопрошающе смотрел на меня небесно-голубыми очами, которые в ярком свете горящего над его головой ночника казались неоновыми. А густые кудрявые волосы – почти белыми, как у детей-пришельцев из деревни Мидвич.

– Жаль, что ты не веришь, – сказал он.

– Я верю только в естественный отбор. Здесь и сейчас. Знаешь, что такое естественный отбор?

– Это процесс выживания организмов, наиболее приспособленных к окружающей среде, – выпалил он заученный от-

вет.

– Так вот, запомни сразу, что если не хочешь бороться со мной за выживание, то не лезь со всякой своей фигней. Ты сам по себе, я – сам.

Я постарался сказать это как можно спокойнее, просто поделовому, без лишних эмоций.

– Извини, – он отодвинулся подальше, – подумал, может, тебе интересно... Чтобы отвлечься.

– От чего еще отвлечься?

– От грустных мыслей. Я же понимаю. Я бы тоже скучал по маме.

– Ты че, дурак? – Я аж сел. – Не сравнивай меня с собой.

Дятел пару раз растерянно моргнул, а потом тихо и доверительно произнес:

– Знаешь, а я ведь очень хотел, чтобы ты к нам переехал. Всегда мечтал о брате.

Это прозвучало ужасно. До безобразия наивно и глупо, как в дурных сериалах. Даже мурашки по спине пробежали. Он, что, думал, я сейчас же брошусь ему на шею? Или пущу слезу и прошепчу «я тоже всю жизнь мечтал о тебе, Дятел»?

На счастье, в комнату вошла бабушка с двумя чашками в руках, и отвечать не пришлось. Одну чашку она сунула мне, а другую Дятлу. Я осторожно понюхал. Запах был травяной и терпкий.

– Пей, – велела бабушка, заметив мои сомнения.

На вкус пустырник оказался редкостной гадостью, горь-

кий до скрежета зубов, так что второй глоток я никак не мог сделать. В то время как Дятел преспокойненько все выпил и отдал чашку.

– Никита, я, что, должна полночи над тобой стоять?

Пришлось зажать рот рукой, чтобы вонючая коричневая штука не полилась обратно.

Бабушка осуждающе покачала головой, но милостиво забрала остатки своего пойла, а затем велела раздеваться и ложиться в постель. После ее ухода Дятел внезапно развеселился:

– Видишь, приспособленность к окружающей среде у меня значительно лучше.

Поразительно смешная шутка. Совершенно в духе Дятла.

– Надо будет, приспособлюсь.

Я снял нелепую Аллочкину рубашку и полез в прикроватную тумбочку за жвачкой.

– Никит, ты из-за школы не переживай. Я тебе про все расскажу, со всеми познакомлю, втянешься без проблем.

Дурацкий Дятел сидел на своей кровати и теперь пристально наблюдал за каждым моим движением. Пришлось забираться в чистую постель прямо в пыльных шортах. Даже на спортивных сборах мне было проще находиться с другими людьми в одной комнате. При Дятле я вообще не мог быть самим собой.

Тут с громким и демонстративно-продолжительным стуком к нам заглянула Аллочка:

– Ребята, белые рубашки и брюки я погладила, в большой комнате в стенном шкафу справа висят. Предупреждаю сразу, потому что я завтра раньше вас ухожу. Будете собираться сами. Деньги в прихожей на зеркале. Не забудьте купить цветы. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, мам, – Дятел чмокнул воздух, Аллочка ответила тем же.

– Спокойной ночи, – сказал я, а когда дверь за ней закрылась, все-таки стянул под одеялом шорты, бросил их на ковер возле кровати, и они с тяжелым стуком ударились об пол. Про чужую трубку я и забыл совсем. Достал ее из кармана, включил. Батарея – девяносто процентов, из приложений – только «Вотсап» и «Хром», на заставке – фотография двух девушек. Одна лежала на кровати, подперев ладонью голову, и, дурачась, улыбалась в камеру. Из-под ее длинных русых волос выглядывали круглые голые плечи, из глубокого выреза белой майки свисала цепочка с маленьким кулоном – половинкой сердечка. Вторая девушка в камеру не смотрела. Она сидела на полу и, запрокинув голову, обнимала обеими руками первую девчонку за шею. У нее были точно такие же длинные прямые волосы, белая майка и короткие джинсовые шорты. Выглядели они как сестры. Возраст не определишь. От пятнадцати до двадцати.

– И с математикой помогу, папа говорил, что у тебя с ней не очень, – воодушевленно продолжал Дятел.

Папа бы еще про это на столбе написал.

Сразу вспомнились сегодняшние знакомые: Леха и Тифон. Как такие парни отнесутся к тому, что их придурочный одноклассник – мой сводный брат? Подобного позора в новой школе мне точно не пережить.

– Слушай, – в голову пришла гениальная по своей очевидности идея, – а можешь в школе никому не рассказывать, что мы это... того... типа родственники?

Дятел удивленно вытаращился на меня.

– А почему?

– Потому что мы не родственники.

– Ну, если смотреть с формальной точки зрения...

– Так обещаешь или нет?

– Хорошо, – он тяжело и разочарованно вздохнул.

– Поклянись!

– Клянусь.

– Не вздумай даже намекать на что-то такое. И вообще, не говори никому, что мы знакомы.

– Почему?

– Не важно. Но если скажешь – пожалеешь! Понял?

– Не понял, – он наклонился вперед и нелепо вытянул шею, тугие колечки рассыпались по лбу. – Объясни, пожалуйста.

И тут вдруг «нокиа» в моей руке ожил. Два раза коротко провибрировав, открылось окошечко сообщений «Вотсапа»: «Ты уже освободился? Тебя долго нет, и мы волнуемся. Когда пойдешь, купи еще чупа-чупс со вкусом колы». Отпра-

витель – Яна.

Мне стало как-то не по себе, словно я украл этот телефон. Подумал, что нужно будет выкинуть симку, чтобы не вводить людей в заблуждение. Ведь теперь-то уже ничего не поделаешь. Я сунул телефон под кровать и, не обращая внимания на ожидающего объяснений Дятла, снова отвернулся к стенке, накрывшись подушкой. Тишина, темнота, долгожданный покой.

Глава 3

На новом месте я спал отвратительно. То и дело просыпался, смотрел на соседнюю кровать, на закутанное в одеяло сопящее тело, вглядывался в незнакомые очертания комнаты.

Кровать была непривычно высокая и мягкая, подушка перьевая – хрустящая, накрахмаленное белье холодное, а запахи чужие. Но под утро, после того как уже рассвело, внезапно так вырубился, что не слышал ни подъема Дятла, ни хождения бабушки, ни их разговоров.

А когда Дятел растолкал меня, вскочил весь в поту и, с трудом соображая, где нахожусь, за пятнадцать минут умылся, оделся и вылетел из дома, чтобы не дай бог он не вздумал идти со мной.

Своих я нашел сразу. Классная, на удивление молодая и пышногрудая блондинка, столь энергично размахивала табличкой с надписью 11 «А», что только слепой мог не заметить. Возле нее столпилось несколько образцово-показательных учеников с букетами, а сзади, чуть поодаль, стояли мои вчерашние знакомые – Тифон и Леха.

Белая рубашка Тифона с закатанными по локоть рукавами была надета поверх длинной серой футболки, на шее же болталась многослойная черная бандана-маска из тех, которыми мотоциклисты защищают лицо от ветра.

Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на всеобщее оживление так, словно забрел сюда случайно. А вот Леха – довольный и сияющий, безукоризненно одетый по форме, но в подвернутых брюках и без носков – увлеченно болтал с девчонкой в короткой расклешенной юбке и на высоких каблуках. Ее рыжие, забранные наверх волосы были такие густые, что казалось, еще немного, и рассыплется по плечам.

Увидев ее, я тут же остолбенел. Не только потому, что она была второй рыжей красавицей, встретившейся мне в этом районе, точно я попал в какое-то ирландское гетто, но и из-за ужасного сходства с Трисс Меригольд – соблазнительной ведьмой из третьего «Ведьмака». Королевой моих детских мечтаний. Только лицо у Трисс всегда оставалось строгим и сосредоточенным, эта же девушка светилась, как летнее утреннее солнце. А ее длинные загорелые ноги окончательно выкинули меня из реальности, так что я машинально остановился, будто мог упасть, и застыл как полный придурок.

Из эстетического ступора меня вывел телефонный звонок.

– Привет, котик! Ты уже в школе? – голос у мамы был запыхавшийся.

Но не успел я ничего ответить, как она снова затараторила:

– Обживаешься? Нравится?

Зачем она это говорила? Знала же, что не нравится.

– Находишь общий язык с бабушкой?

– Угу, – буркнул я, хотя вчера вечером собирался объявить, что больше не вынесу в этой семейке и дня.

– Ладно, все. Целую. Бегу с Аленкой в поликлинику. Вечером созвонимся.

Она сбросила вызов, я огляделся, а весь мой новый класс уже направился разбирать первоклашек.

Школа оказалась типовая, в точности как моя старая. Два узких прямоугольника, соединенные стеклянным переходом. Большой прямоугольник – три этажа с классами, в маленьком – столовая, актовый зал и физкультурный. Только стены бледно-персиковые, а не уныло-зеленые. На первом этаже – огороженная раздевалка, большой холл с зеркалами и диванами, довольно чистенько, и, если бы речь шла не о школе, я бы сказал уютно.

На первом уроке Наталья Сергеевна – математичка – сразу начала знакомить со мной класс. Вызвала к доске и торжественно представила:

– Ребята, хочу проинформировать вас, что у нас новенький мальчик. Никита Горелов. Правильно я говорю?

– Угу.

– Надеюсь, вам как одиннадцатиклассникам не нужно напоминать о правилах гостеприимства и хорошего тона?

– Конечно, не нужно! – тут же выкрикнул Леха. – Мы самый гостеприимный класс в мире!

– А что по этому поводу думает Трифонов? – Наталья Сергеевна подошла к третьей в центральном ряду парте, где

сидели Леха и Тифон. – Есть ли у Никиты шансы выжить в этом классе?

– Не волнуйтесь, выживет, – прохрипел в ответ Тифон.

– Что у тебя за вид?

– Горло прихватило, – он еще плотнее прижал бандану к шее, чтобы не засветить дракона.

– Все равно приведи себя в порядок. Каникулы закончились. Смотри, в этом году условия те же. Одно неосторожное движение, и ты пулей вылетаешь из школы.

Голос у Натальи Сергеевны был холодный и немного стервозный.

– Хорошо, – послушно согласился Трифонов.

Учительница хотела ему еще что-то сказать, но потом передумала и вернулась ко мне:

– А ты, Никита, садись ближе. Вон, к Поповой на вторую. Им с Емельяновой противопоказано за одной партой сидеть, – с этими словами она рассадил двух громко болтающих подружек.

Мне было все равно, какая парта, но через проход от места рядом с Поповой сидела рыженькая девушка с шикарными ногами, за ней – Тифон и Леха. А на первой парте, передо мной, тот приятный спокойный парень, что прогнал хорьков. Так что выбором Натальи Сергеевны я остался доволен.

Попова, маленькая щуплая девчонка с длинными перламутровыми ногтями и нарисованными черными бровями аля Кара Делевинь оказалась очень раскрепощенной и, стои-

ло мне опуститься рядом с ней, принялась болтать:

– Это хорошо, что тебя со мной посадили. Я когда в Москву только переехала, в шестой класс сюда пришла. Знаешь, как боялась! Две недели ни с кем разговаривать не могла. Стеснительная была очень. Я и сейчас стеснительная, но уже поменьше...

И она стала что-то трепать про себя, про то, как ей было в школе раньше и как сейчас.

А Наталья Сергеевна рассказывала о «Правилах безопасного поведения в информационной среде». Слушать такое было забавно, с тем же успехом я бы мог ей про математику начать заливать и объяснять, какая это полезная штука, когда ею правильно пользуешься, и какая опасная, если не знаешь таблицу умножения. Да любой третьеклассник раскрыл бы тему гораздо лучше.

Мы как-то с Боряном решили, что для учителей нужно ввести ЕГЭ по Интернету, чтобы они с нами хоть на одном языке разговаривали.

В основном математичка, конечно, втирала про «Синих китов», суицидников и прочих придурков, у которых все фигово, так что можно было вообще не слушать.

Не знаю, где такие персонажи водятся, никогда никого похожего не встречал. Скорее всего, это какой-то нелепый миф, наподобие пришельцев или йети. Человек так устроен, что всегда борется за свое выживание, даже если не сильно умный, не потрясающе красивый, не особо талантливый и

ничем не лучше других.

Хотя, по мнению моей мамы, только самые лучшие могли рассчитывать на прекрасное и благополучное будущее. И вообще хоть на какое-то будущее. Именно поэтому, кстати, она была так одержима всякими кружками и секциями. Хотела из меня вундеркинда сделать. Лет до двенадцати моих все надеялась, а потом, когда я ничем не отличился и везде показывал обычные средние результаты, до нее наконец дошло, что я не обладаю никакими особыми дарованиями. Один раз в запале даже высказала, что я «никакой» и «бесперспективный» получился.

Но и тот, кто не умеет плавать, барахтается до последнего, а заблудившийся в лесу идет на свет. Это инстинкт. И чего мне теперь? Под поезд кидаться? Ну уж нет. Каждый выживает как может, и раз так сложилось, что в нормальном доме мне было отказано, значит, оставалось только приспособляться к новым условиям обитания.

Пусть мама пеняет на себя. Сама виновата. Специально буду тусить с этими уличными ребятами. И курить начну, и пиво пить, и на мотике ездить с Тифоном, а может, даже драться стану и сломаю себе что-нибудь. А еще заведу девушку, вот эту рыжую, например, приведу ее домой и скажу всем, что женюсь. Я представил лица мамы с бабушкой, и настроение значительно улучшилось.

На литературе русичка Алина Тарасовна, неопределенного возраста очкастая тетка с расчесанными на прямой про-

бор и убранными за уши волосами взялась допытываться, кто и что прочел за лето по программе. А как услышала про Булгакова, завела о «вечных» темах в «Мастере и Маргарите».

Однако одновременно с ней на третьей парте центрального ряда Леха с Тифоном во всеуслышание обсуждали другую «вечную» тему: кто круче, Роналду или Месси.

– Два мяча в Лиге чемпионов, Ла Лига и Суперкубок Испании – против жалкой Копы дель Рей. Чемпион Европы. Это тебе о чем-то вообще говорит? – напирал Трифонов, развернувшись к соседу вполоборота.

– А пятьдесят один гол в пятидесяти пяти матчах по сравнению с сорока пятью голами Роналду в пятидесяти одном матче тебе о чем говорит? – отвечал ему Леха в том же тоне.

И чем громче становился гнусавый голос Алины Тарасовны, тем яростнее разгорался и их спор.

Ну и, естественно, русичка не выдержала:

– Криворотов!

Я вообще сначала не понял, что это фамилия. Показалось, что она выругалась на кого-то, но Леха тут же вскинулся и засиял ослепительной улыбкой.

– А ну встань, – потребовала она.

Он покорно поднялся.

– Что ты, Криворотов, прочитал за лето?

– Не помню, – признался Леха весело.

– Как это ты не помнишь? Может быть, и программу де-

сятого класса не помнишь?

– «Грозу» помню, Алина Тарасовна.

– Какая потрясающая память! И что же ты там помнишь?

– Если по правде, то мало. Довольно скучная история.

– Да неужели? – Очки русички подпрыгнули. – Наверное, от того, что там ни слова про футбол?

– Ага, – без тени смущения подтвердил Леха. – Обычная бабская тема. Любовь, сопли, слюни, самоубийство. Между прочим, та самая пропаганда суицида, которой нас на прошлом уроке пугали. Сначала в школе проходим, а потом на Интернет сваливают.

Класс заметно оживился.

– Что ты такое говоришь, Криворотов? – взвилась Алина Тарасовна. – Образ Катерины – не пропаганда! Он, чтоб ты знал, символизирует освобождение от безысходности. Избавление от гнета и терзаний души. Молодая женщина мечтает улететь! Вырваться из зловонного болота темного царства!

Высокопарно размахивая руками, она медленно двинулась по проходу в конец класса.

– Отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь...

Алина Тарасовна готова была продолжать, но Леха насмешливо перебил:

– Вот-вот. Я про то и говорю. Лететь ее тянет. Ага. Камнем

на дно.

Народ расшумелся еще больше. И русичка, сообразив, что процитировала не лучший фрагмент, беспомощно воскликнула:

– Это же классика, как тебе не стыдно?!

– А что тут стыдного? – парировал Леха. – Не я же эту унылую депрессуху написал.

– Первый день, Криворотов, а ты меня уже вывел!

– Извините. Я не хотел.

– Про Катерину я все поняла! Может, вспомнишь что-то еще? Расскажешь о Базарове? Обломове?

– Расскажу, конечно, – охотно согласился Леха. – И Обломов, и Базаров – два очень мутных персонажа.

– Каких-каких?

– Неоднозначных.

– Та-а-ак, – на миг распаленное лицо Алины Тарасовны посветлело. – Хорошо. И в чем же их неоднозначность?

– Базаров только и делает, что базарит, а Обломов – обламывает, – на одном дыхании весело выпалил Леха, уже окончательно играя на публику.

– Садись, клоун, – с трудом сдерживая гнев, презрительно фыркнула русичка. – Как был дегенератом, так и остался.

По классу прокатился ропот. Народ явно был на Лехиной стороне, и тот сел на место с видом победителя.

– Было прикольно, – сказал я ему, как только мы вышли из класса после звонка. – У нас бы за такое к директору по-

тащили.

– А смысл? – раздалось позади.

Я обернулся – та самая рыжая, похожая на Трисс девчонка. И все, что я собирался сказать Лехе секунду назад, ментально вылетело из головы.

– За одиннадцать лет наш директор насмотрелся на Криворотова во всех видах, – поравнявшись со мной, она продолжила идти рядом.

– Далеко не во всех, – громко откликнулся Леха.

– А если она подписана на твою инсту? – засмеялась рыжая.

– Тогда во всех, – весело признал он, поднял с пола сделанный как заколка-прищепка белый бант и, ускорившись, ушел вместе с рыжей вперед.

Вблизи девушка понравилась мне еще больше: улыбка широкая и теплая, глаза светло-серые, дымчатые, как утренний туман, а непослушные волосы такого мягкого оттенка рыжего, вроде осенних листьев или меда.

На четвертом уроке выяснилось, что у нас физкультура. Формы, естественно, ни у кого не было, но на стадион все равно погнали.

На улице стояла дикая духота и безветрие, а с правой стороны уверенно ползала густая сине-черная туча, и спокойное ясное небо постепенно приобретало тревожный желтоватый оттенок.

Физрук Василий Викторович, кривоногий коротышка с

торчащими в стороны усами и странным прозвищем – Полтинник, с вызовом зыркнул в сторону тучи, презрительно хмыкнул и велел всем построиться. Без восторга оглядел весьма малочисленный ряд, а заметив меня, подошел. Пощупал мышцы, легонько ударил кулаком в живот. Потом резюмировал:

- Сойдет. Спортом занимаешься?
- В позапрошлом году футбол бросил.
- Ну и дурак.

Он не спеша двинулся дальше, но вдруг, через пару человек от меня, встал как вкопанный, с полнейшим недоумением на лице. Я высунулся посмотреть, чего там такого интересного. И все тоже посмотрели.

На Дятла. Тот стоял себе ровненько, старательно вытянувшись по команде «смирно», даже и не подозревая, что голову его украшает пышный и нарядный белый бант. Тот самый, который Леха на полу нашел.

Девчонки закатились, парни захрюкали. Удивленное лицо Дятла, взволнованно хлопающего ресницами и крутящего головой в поисках того, что вызывает такое неудержимое веселье, выглядело нереально комично.

– Это что за барышня у нас? – подлил масла в огонь Полтинник. – Тоже новенькая?

– Нет, – совершенно серьезно ответил Дятел. – Это же я – Ваня Соломин.

– Не может быть! – физрук сделал вид, что страшно удивлен. – Соломин? А как изменился!

– Да, мама тоже говорит, что я вырос.

Дятел вел себя как полный ишак. Мне было смешно и одновременно ужасно неловко за него.

Угроздило же заиметь такого родственника.

У всех началась истерика, Леха аж вывалился из строя, корчась в немых судорогах.

– Ладно, – сказал Полтинник, – ходи, как тебе нравится.

И потом заставил всех парней бежать два круга по стадиону, а девочкам разрешил «совершить легкий моцион», потому что они в юбках и на каблуках.

Но осилить мы успели только один круг, черная туча стремительно заволокла небо над нашими головами, и внутри нее послышались глухие раскаты.

– Так, ребята, хорош! Быстро в школу! – крикнул физрук.

Насчет этого спрашивать было не нужно. Помчались наперегонки, но дождь все равно жестоко настиг нас возле крыльца. Рубашка промокла в одно мгновение. Мы толпой залетели под навес и замерли, глядя на плотную, гудящую стену воды.

И вдруг Тифон как засвистит! Я глянул и обалдел. Посреди стадиона, под проливными потоками, задрал голову и подняв руки к небу, стояла та рыжая. Странное, немного неправдоподобное зрелище, будто она вдруг вообразила себя могущественной повелительницей стихии.

– Эй... Че залипла? Иди сюда! – крикнул Леха.

Но с таким же успехом он мог бы звать фонарный столб.

– Миронова! Зоя, чтоб тебя!

Хриплый голос потонул в новом раскате. Тогда Трифонов, громко чертыхаясь, прыгнул с крыльца и, прикрывая голову руками, бросился к девушке. Следом рванул и Леха. В ту же минуту сверкнула молния, и оглушительный удар накрыл все вокруг.

– А... а... а! – заорал кто-то сзади. – Еперный театр!

Мои одноклассники повалили в школу.

Разглядеть сквозь мутную серую толщу дождя, что происходит на стадионе, было проблематично, но я видел, как Трифонов бесцеремонно подхватил Зою под коленки, перекинул через плечо и потащил к школе.

Принес, поставил под крышу и принялся вытирать ей лицо своей банданой. Зоя взвизгнула, засмеялась и стала отбиваться, точно это какая-то веселая игра. Но Тифон был разочлен и шутить явно не настроен, поэтому, когда, она попыталась укунить его за руку, выдал такую тираду относительно ее выходки, что остававшиеся на крыльце девчонки быстро ретировались.

Я же присел на корточки неподалеку и сделал вид, что вожусь с кедрами.

Мокрая Зоя – зрелище не для слабонервных: плотно облепившая тело белая блузка, блестящие босые ноги, рассы-

павшаяся по плечам под тяжестью воды рыжая копна.

В какой-то момент мне показалось, что я сплю и она мне снится, но резкий требовательный голос Трифонова жестоко вырвал из нахлынувших грез. Ему, похоже, на всю эту красоту было до лампочки.

– Совсем с головой поссорилась? Что это было?

– Ничего, забудь, – Зоя попыталась проскользнуть в школу, но тут на ступени влетел Леха. Вода катилась с него, как с Ниагарского водопада, а в руках он держал Зоины туфли.

– Только не это, – Зоя поморщилась. Без туфель она была чуть ниже Лехи. – Хоть босиком домой иди.

– А чего напаялила? – неодобрительно проворчал Тифон.

– А то, что я не хуже других, – она утерлась локтем и выжала волосы.

– Хочешь мое мнение? Другим, может, такое идет, а тебе – нет. И юбка эта тоже.

– Твое мнение меня интересует меньше всего, – обиженно отозвалась Миронова и, придерживаясь за Леху, нагнулась, чтобы надеть злосчастные туфли.

Я снова невольно залюбовался ею, но Трифонов перехватил мой взгляд:

– Тебе чего? – с наездом бросил он.

Еще вчера мы с ним катались по району, а сегодня он будто и знать меня не хотел.

– Ничего. Просто. Ребра прихватило, – на ходу сочинил я. – Болят еще. После вчерашнего.

Трифонов сунул мокрую бандану в карман, подошел и протянул мне холодную влажную руку, помогая встать.

– Сделай глубокий вдох и не думай. Любая боль идет от головы, – со знанием дела сказал он. – Если у тебя есть хоть капля силы воли, ты можешь этим управлять.

– Чем управлять? – не понял я.

– Да всем. Боль – это знаешь что? Это сигнализация. Она включается, когда твоему телу угрожает какая-то опасность. Но умеючи любую сигналку можно вырубить.

– Слушай его больше, – крикнула Зоя. – Он тебя сейчас плохому научит: как из нормального человека превратиться в Терминатора.

– Ты прощаешься со мной, чао бамбино, сори, – развязно пропел Леха, обнимая Зою за плечи. – Для меня теперь любовь – это только горе. Две кости и белый череп – вот моя эмблема. Называй меня теперь Терминатор-немо.

Из-за блестящих капель на ресницах его и без того синющие глаза казались еще ярче.

Зоя расхохоталась, а Тифон отмахнулся от них как от дураков и продолжил:

– А еще подкинь организму эндорфинчика. Он, как морфий, снимает любую боль. Перец сожри. Обычный черный. Не обязательно много. Щепотку на кончик языка. И физическая нагрузка очень помогает, не сможешь сейчас отжиматься – приседай. И шоколад, кстати. Только несладкий.

Я тут же вспомнил Игоря. Вот у него такие же разговоры

постоянно были.

— Кстати, по поводу эндорфина, — Леха мигом нарисовался между нами и, понизив голос так, чтобы Зоя не слышала, доверительно проговорил: — Есть один самый верный и надежный способ...

С осуждающим вздохом Тифон закатил глаза:

— Лех, ты о чем-нибудь другом говорить можешь? У тебя этот способ на все случаи жизни.

— Естественно. Потому что смех, впрочем, как и то, о чем ты подумал, не только продлевает жизнь, но и значительно скрашивает ее.

Домой я пришел раньше Дятла. Взял со сковородки холодную котлету, глотнул из чайника воды и ушел в бабушкину комнату.

С работы бабушка должна была вернуться только в шесть, так что до этого времени я мог наслаждаться долгожданным покоем. Упал на застеленную шерстяным покрывалом кровать и, утопая в огромных пуховых подушках, минут десять лежал, глядя на чуть пожелтевшую штукатурку потолка и прокручивая в голове сегодняшние события.

Для первого дня в новой школе все прошло довольно прилично, весело даже, но самое прикольное было то, что я, похоже, реально влюбился. Хорошо это или плохо, я пока понять не мог, но, когда вот так лежал и смотрел в потолок, вспоминая мокрые рыжие волосы и дымчатый взгляд, мне однозначно было хорошо.

И только я успел немного размяться, как в коридоре хлопнула дверь, звякнули брошенные на полку ключи, и тут же началось:

– Никита! Ни-ки-та!

Послышалось шарканье тапочек и хлопанье дверей. Наконец Дятел додумался проверить у бабушки.

– Вот ты где. Чего не отзываешься? – белобрысая голова выглянула из-за двери.

– Что тебе надо?

Дятел раздражал невозможно. Одним своим видом раздражал.

– Поболтать хотел. Узнать, понравилось ли тебе в школе.

Ресницы у него были совсем девчачьи, точнее, Аллочкины.

– Тупой вопрос. Это же школа. Чему там нравится?

– Наталья Сергеевна тебе понравилась? Она хорошая. А ребята?

Он все-таки просочился в комнату.

– Сегодня первое сентября. Что можно понять по одному дню?

– А я все понял, – вид у него был чрезвычайно довольный, словно он разведal нечто секретное. – Ты хочешь подружиться с Трифоновым, Мироновой и Криворотовым. Я видел. Наблюдал за тобой.

– Делать тебе больше нечего? Наблюдать за мной.

– Просто хотел предупредить, что из этого ничего не выйдет. Они крутые и к себе никого не принимают.

Слово «крутые» в его исполнении прозвучало смешно.

– Может, я тоже крутой? – с той же многозначительной интонацией передразнил я.

Дурацкий Дятел противно захихикал, будто я что-то смешное сказал. Так и захотелось ему в лоб дать.

– Я раньше тоже с ними дружить хотел, но они меня не приняли.

Тут я уж точно чуть с кровати не упал.

– А, ну раз с тобой не стали, с ними явно что-то не так.

– Но это давно было, когда я еще не знал, что они проблемные и неблагополучные.

– Что значит проблемные?

– Курят, пьют и с дурными компаниями водятся. Андрей Трифонов с пятого класса на учете в полиции состоит, а Криворотов все лето двойку по химии исправлял. Их вообще не хотели в десятый брать. Но Лешины мама с папой директора уговорили как-то, а Трифонов сам просился. Но это вообще отдельная история, – Дятел осторожно присел на краешек кровати в ногах. – С учебой у него средне, потому что соображает быстро, но с поведением отвратительно. Прогулы, драки, несколько раз учителей прям на уроке посылал, представляешь? Стекло в столовой разбил, из окна с третьего этажа из кабинета истории спрыгнул, хорошо, в сугроб попал. Историчка из-за него после этого из школы ушла. А

еще они с Криворотовым петарды в туалете взрывали и...

– Так что за история? – я уже понял, что если Дятлу давать волю, то трепаться он может без остановки.

– Они с Ярославом Яровым поспорили.

– Яров – это темноволосый, молчаливый и серьезный? На первой парте передо мной?

– Да. Он, как и я, на золотую медаль идет. Но в прошлом году олимпиаду по математике я на семь баллов лучше написал. Зато он по физике лучше, не помню насколько.

– Рассказывай уже!

– Так вот, они поспорили, что Трифонова в десятый не возьмут. То есть Яров говорил всем, что даже если тот захочет, то его не возьмут, потому что он тупой и бедный. В смысле, денег на репетиторов нет. Всех против него настроивал. Тогда Трифонов разозлился и решил доказать, что его возьмут. В прошлом году ходил к Марии Александровне – директрисе – и умолял оставить его, а поскольку оценки за ОГЭ у него неплохие и Полтинник его очень любит, она все же согласилась, взяв клятвенное обещание вести себя прилично. И представляешь, он за прошлый учебный год еще ни разу ничего не натворил. Теперь вообще ни с кем не конфликтует и слушается учителей. Вот поэтому тебе могло показаться, что они нормальные. Но на самом деле с ними лучше не связываться. Бабушка сказала, что Андрей запущенный и неуправляемый, а Леша легкомысленный и беспечный.

– Вот и отлично, – я с вызовом посмотрел ему в глаза. – Теперь они мне еще больше нравятся. Все, иди отсюда. Я специально в другую комнату ушел. От тебя подальше.

Дятел поднялся, постоял немного и понуро поковылял к двери.

– Эй, погоди, – окликнул я. – А Зоя что?

Этот вопрос волновал меня больше всего.

– Зоя? – он задумался. – Она добрая и веселая. Только учится нестабильно.

– С кем из них она встречается?

– А, это, – протянул Дятел, будто я спросил что-то очень скучное. – Вроде ни с кем. Про такое я не знаю. Зато она поет хорошо. В прошлом году на Девятое мая здорово пела.

– Все-все, иди.

– А! Вспомнил! – он полез в карман и вытащил желтую «нокию». – У тебя под кроватью нашел. Ты, наверное, думал, что потерял?

Глава 4

На экране телефона висело несколько непрочитанных сообщений из «Вотсапа» и пять пропущенных звонков.

«Мы волнуемся. Где ты?»

«Ответь хоть что-нибудь».

«Что случилось? Почему не отвечаешь?»

«Если ты пил, не страшно. Мы тебя ждем».

«Напиши, что нам делать».

«Ночевать без тебя боялись. Эта карга запросто заходит к нам в комнату, и мужик ее неприятный заглядывает».

«Папочка, мы тебя ждем. Приходи даже пьяный».

Очень неприятные сообщения. Мигом представил, что чувствует эта девочка. Я бы тоже перепугался, если бы мне не отвечал кто-то из родителей.

После дождя за окном было пасмурно, но и в теплой светлой бабушкиной комнате я почувствовал себя неудобно.

Как поступить? Выкинуть симку? Или написать и сказать, что я нашел телефон? Тогда она еще больше начнет волноваться, что с ее папой что-то произошло.

Пока мучительно перебирал возможные варианты, пришло новое сообщение.

«Папуля! Раз ты прочел, почему молчишь? Ты решил нас бросить? Скажи честно. Ты передумал? Уехал один? Не молчи, пожалуйста!»

С этим она попала в точку. Меня самого бесило, когда читают сообщение и игнорят. Несколько секунд еще подумал, а потом решился. Написал: «Пока отвечать не смогу» – и хотел сразу же отключить телефон, но не успел.

В ответ пришел смайлик с поцелуем, а за ним полная нелепость:

«Ане опять сон про принцессу снился. Только снова плохой. Это потому, что тебя с нами нет».

«А правда, в Крыму растут персики и абрикосы? На деревьях?»

Я сильно пожалел, что прочел все это. Словно подглядывал в замочную скважину. Пришлось засунуть телефон поглубже в ящик тумбочки. Однако до самого вечера та девочка, Яна, и ее папа отчего-то постоянно лезли в голову. Даже про Зою всего один раз вспомнил, и то, когда бабушка за ужином, в точности как Дятел, расспрашивала, что мне понравилось в новой школе.

Перед самым сном все-таки не выдержал и опять достал «нокию». Там оказалось всего одно послание:

«Страдания, горе и унижение. За дверью боли облегчения нет, только белая бессмысленная пустота. Верный путь к безумию. Отражаясь в зеркале, шрамы становятся гладкими, но никуда не исчезают».

Это было последней каплей. Я набрал:

«Этот телефон оказался у меня случайно. Я его нашел. Не пишите сюда больше».

Дождаться ответа не стал. Отключил мобильник.

Однако чужие сообщения вероломно проникли в мозг и прочно обосновались там.

Я врубил музыку – верное средство от дурных мыслей, но не помог ни Ронни Радке³, ни «Система»⁴, ни проверенный «Раммштайн»⁵. Стало только хуже.

Так бывает, когда вдруг увидел то, на что не стоило смотреть. Ты знал об этом, но все равно посмотрел, и потом мечтаешь забыть, но уже невозможно.

Как-то раз я нашел в сети ролик, под которым была подпись: «Впечатлительным не смотреть. 18+», но впечатлительным я себя не считал, а маркер «18+» только разжигал любопытство.

Ролик был снят на телефон, и дело происходило в каком-то поселке. Четыре подростковые девчонки-школьницы – три в кадре, а четвертая снимала – пригласили на встречу в деревенский полуразрушенный дом парня, то ли ботана, то ли местного дурачка. Вначале было слышно, как они обсуждают его и говорят, что сейчас устроят настоящий прикол. А потом, когда этот парнишка пришел, стали угрожать, что, если он не будет делать то, что они ему велят, расскажут его отцу, что он курит.

---

³ *Ронни Радке* (Ronnie Radke) – вокалист американского коллектива Falling In Reverse.

⁴ *System of a Down* (SOAD) – американская рок-группа.

⁵ *Rammstein* – культовая немецкая рок-группа.

Парень умолял их ничего не рассказывать, потому что отец его убьет. Он сильно заикался и после каждого, с трудом выговоренного слова девчонки закатывались мерзким гого-том, а когда им надоело, принялись обзывать и унижать его по-всякому. Заставляли говорить в камеру, что он чмо и педик, целовать им сапоги и ползать на коленях, а когда потребовали снять штаны, парень отказался. Стал плакать и просить перестать. Тогда девчонки реально принялись бить его ногами и палками. А потом одна взяла лезвие и пока другие держали, долго выцарапывала у него на лбу матерное слово, так что кровь залила ему все лицо.

В комментариях люди спорили, реальная запись или постановочная. Но для меня это не имело никакого значения. Ролик просто был очень мерзкий, хотя я много чего смотрел и не боялся ни скримеров, ни трешаков.

Только самое странное, что я постоянно вспоминал его с желанием пересмотреть и пересматривал. Испытывал отвращение, ругал себя, понимая, что видеть унижения и боль человека стыдно и грязно, но все равно смотрел.

Нечто похожее у меня возникло и с сообщениями от Яны. Я прекрасно осознавал, что это чужая жизнь и что у меня своих проблем хватает, но какое-то нездоровое волнующее любопытство тянуло к тому мобильнику.

Всю ночь я ворочался. В комнате было душно и по-прежнему непривычно.

Я встал, попил воды и не выдержал.

Новых сообщений было около двадцати.

«Кто вы?»

«Что с папой? Где он?»

«Ответьте хоть что-то!»

«Где вы взяли телефон?»

«Отвечай!»

«Гореть тебе, тварь, в адовом пламени».

Следом пришла эсэмэска о пропущенном вызове.

Я был совершенно растерян. Что ответить? Оправдываться? Но я же ни в чем не виноват. Если только предложить отдать им «нокию».

Открыл список контактов в телефоне. Всего пять номеров: Яна, М. В., мама, Вадим и Маня.

Вступать в переписку смысла не было. Избавиться от телефона – низко, а откуда телефон у «хорьков», я понятия не имел. Наверняка так же избили кого-то и отняли, но почему тогда хозяин трубки не вернулся домой? А может, он и не собирался возвращаться?

Неприятно, конечно, что мне пожелали «гореть в адовом пламени», да еще и «тварью» обозвали, но понять можно.

Первого сентября, слушая, как Билли Джо из «Грин Дэй»⁶ умоляет разбудить его, когда закончится сентябрь, я мечтал, чтобы меня разбудили, когда закончится весь учебный год. В том, что это будет самый кошмарный год, я не сомневался. Более того, был уверен, что ничего на свете не способно

---

⁶ *Green Day* – американская панк-группа.

развеешь мысли о потерянном доме. Но как я ошибался!

За пару дней назрело столько вопросов, что голова пухла.

Чем заинтересовать Криворотова и Трифонова, если они хоть и на виду, но держатся обособленно? Как привлечь внимание Зои, раз она дружит с ними? Как отделаться от Поповой так, чтобы не обидеть, потому что та проявляла ко мне чересчур много внимания? Как сдержаться и не треснуть Дятла по башке и не нагрубить бабушке, отказываясь причесываться так, как хочет она?

Но больше всего беспокоила «нокиа». Потому что Яна продолжала писать.

Иногда неприятное и непонятное:

«Ане сегодня подсолнухи снились. Целое поле. Высокие, яркие, очень красивые. А потом прилетели какие-то птицы. Много-много черных птиц, и стали все кругом клевать. Она силилась их прогнать, но дотянуться не могла. Стояла внизу и махала руками, а они клевали и клевали. Так что головы подсолнухов стали падать на нее. Тебе когда-нибудь снились подсолнухи?»

«С каждым днем становится хуже», «Теперь это внутри тебя», «У людей в головах только кровь, боль и секс», «А хочешь, я скажу, о чем ты думаешь?», «Ты не оставишь меня, правда? Ты не оставишь нас? Кругом слишком много зла!»

Иногда страшное:

«Тебе никуда не деться», «Ночью кто-то ломился к нам в дверь», «Если так пойдет дальше, произойдет непоправи-

мое».

А порой совершенно нормальное и адекватное:

«Пожалуйста, ответьте, это очень важно», «С папой что-то случилось?», «У нас продукты, между прочим, все кончились», «Что ты хочешь за помощь?», «Что вы хотите за помощь?»

И все в таком духе. В конечном счете я догадался, что это попытки хоть как-то достучаться до меня, вынудить отвечать. Психологическая атака. И она работала. А еще были звонки, и они нервировали даже больше. На третий день я таки сдался. Отвечать не решился, но придумал другое, как мне показалось, удачное решение.

Я подождал Трифонова на улице у входа в школу. Ночью прошел дождь, и все вокруг – и школа, и дорожка, и стадион, и даже асфальт под ногами – было покрыто серой туманной дымкой, поэтому я чуть было не пропустил его, а когда окликнул, он даже не взглянул в мою сторону. Пришлось самому бежать следом.

– Чего тебе? – Он притормозил на ступенях. В черном капюшоне толстовки, ссутуленный, руки в карманах, половина лица под банданой, взгляд недовольный.

– Дело есть.

– Может, потом?

Это его «потом» прозвучало почти как «отвали».

– Помнишь тот телефон, что ты у «хорьков» забрал? Жел-

тый. Так вот, он не мой. Очень похож на мой, но не мой.

– И че?

– Он же чужой.

– Забей. «Хорьки» своего бы не отдали.

– Но ты бы мог узнать, где они его взяли.

– Делать мне больше нечего, – Трифонов возмущенно фыркнул. – Расслабься. Это круговорот телефонов в природе. Твой старый теперь тоже у кого-то.

И он как ни в чем не бывало направился в школу. Пришлось снова бежать за ним.

– Понимаешь, там на него сообщения разные приходят. Странные. Девочки какие-то папу потеряли. Это его телефон был.

Мы прошли мимо охранников и остановились возле вешалок.

– Что за сообщения? – Тифон сердито прищурился, и я почувствовал, что еще немного, и он пошлет меня куда подальше.

Но раз уж решился, момент нужно было использовать.

Я полез в рюкзак за «Нокией», но стоило расстегнуть молнию, как Трифонов нетерпеливо остановил меня.

– Ты в курсе, что сейчас алгебра? Я вчера полночи домашку долбил. Точнее, она меня. В жизни ничего так не опускало, как этот дебильный учебник. Какой на хрен телефон?

– В ГДЗ же ответы есть, – удивился я.

Трифонов медленно стянул бандану на горло. Между бро-

виями пролегли две вертикальные полосы. Взгляд жесткий и прямой. Мало кого может украсить гнев, но ему это шло.

– Засунь свои ГДЗ сам знаешь куда. И телефон туда же.

С этими словами он побежал вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

– Что случилось? – за моей спиной нарисовался любопытный Криворотов.

Я пребывал в полной растерянности.

– Предложил ему ответы списать, а он наехал.

– Ну, понятно, – засмеялся Леха. – Больше так не делай. Это все равно что зашившемуся алкашу рюмку водки протягивать.

– В каком смысле?

Криворотов закатил глаза, как Роберт Дауни на меме:

– Учится он, понимаешь? Не обращай внимания. Второй год заскок. Тифон во всем такой. Если чего в голову вбил, сдохнет, но сделает.

Вчера вечером мне казалось, что как только Трифонов узнает про эту историю, то сразу оценит ее важность. И тогда у меня появится шанс пообщаться с ними. Дома в кровати этот план представлялся идеальным. На деле же не прокатил.

В первую минуту после звонка Наталья Сергеевна велела всем повторять параграф и куда-то свалила.

– Ты чего такой мрачный? – тут же полезла Попова.

Своим чрезмерным вниманием и разговорами она доста-

вала меня каждый урок.

– Не выспался.

– Если и дальше с таким лицом ходить будешь, к тебе никто не подойдет. Все девчонки тебя обсуждают. Говорят, ты симпатичный, но потерянный, – без стеснения выложила она. – Грустишь, что сюда переехал?

– Ничего не грущу.

– Нет, грустишь, – Попова чуть ли не лежала на моей стороне парты и с любопытством заглядывала в лицо. – Такие вещи сразу видны. Да, Зой?

Услышав свое имя, Зоя вскинулась и оторвалась от телефона.

– Что?

– Я говорю: Никита симпатичный. Да?

Зоя развернулась в мою сторону и внимательно, на полном серьезе, посмотрела. Кровь резко прилила к лицу, стало жарко, и я готов был лезть под парту.

– Да, – с легкостью подтвердила она. – Наконец-то у нас, кроме Криворотова, симпатичный парень появился.

Мое сердце подпрыгнуло. Я чуть не задохнулся от радости. Значит, я ей тоже понравился.

Криворотов, сидевший на следующей парте за Зоей, одобрительно, но чересчур усердно стал гладить ее по голове, и она, фыркнув что-то вроде: «Сто раз просила так не делать», принялась выкручивать ему пальцы.

– Слышь, – сзади подергали за рубашку, – у тебя девуш-

ка-то есть?

Я обернулся. Емельянова – синеволосая девчонка с бритым виском с одной стороны и длинной челкой с другой. В левой брови пирсинг. Подружка Поповой.

– Нет.

Я опасался, что вот-вот начнется глум. Подобные разговоры ни к чему хорошему не приводят.

– Ничего, подберем. Тебе какие нравятся? Блондинки или брюнетки?

Она хитро подмигнула Поповой.

– Синие, Емельянова, ему нравятся, – подал голос Тифон. – На синих парни всегда в первую очередь западают.

– Ты, что ли, западаешь? – тут же огрызнулась Емельянова.

– Для меня вы все на один цвет.

– А ведь и правда, – на весь класс воскликнула Емельянова, будто открытие сделала. – Слушай, Никита, ты-то хоть девчонками интересуешься? Или мы для тебя тоже на один цвет?

– Но если даже так, – с лету подхватила шутку Попова, – с Трифоновым дела не имей. Он хоть и секси, но психический и злой.

– Твоя глупость, Попова, лишний раз подтверждает мою правоту, – Тифон спокойно и снисходительно улыбнулся.

После этих его слов обе девчонки как с цепи сорвались и на весь класс загалдели, перебивая друг друга.

– Эй, Трифонов, когда же каминг-аут?

– Может, в одиннадцатом наконец порадуешь?

– Да ладно, чего стесняешься, весь мир уже так живет.

– Боится, что его друзья-гопники узнают.

– Да все самые brutальные мужики – геи. Стетхем, Люк Эванс, парень из «Побега», даже Гендальф. Ты, Трифонов, в этом списке будешь отлично смотреться.

Они так расшумелись, что все, включая Дятла, развесили уши.

Тогда Тифон насмешливо и громко сказал Лехе:

– Ну что за несправедливость? Почему бабам нельзя вломить, чтобы они хоть немного базар фильтровали?

– А если будешь угрожать, – вредным голосом заявила Емельянова, – то я скажу директрисе, что ты ни фи́га не толерантный.

– И тебя из школы выгонят, – добавила Попова.

– И тогда Ярову проспоришь.

Они специально задирали Тифона, зная, что он не может ничего им сделать.

Класс оживился. Отовсюду посыпались шутки и смешки.

Но тут спокойно сидевший перед нами Яров внезапно поднялся и вышел в проход между партами.

– Вам сказали читать, вот и читайте, а кто еще рот откроет, вылетит за дверь. Ясно?

У него был уверенный, ровный голос и красивое, но слишком серьезное лицо. Народ сразу послушно притух.

Одна только Емельянова непокорно, но негромко твякнула:

– Ой, как страшно.

– А ты, – Яров резко развернулся к ней, – вылетишь первая, потому что я, в отличие от некоторых, толерантен и гендерных различий не делаю.

Емельянова злобно зыркнула, но промолчала, угроза подействовала. Только стоило ему вернуться на свое место, как она снова намеренно громко зашептала Поповой:

– Меня глючит, или сейчас Яров за Трифонова заступится?

В ответ Попова только передернула плечами. После наезда Ярова ей не хотелось продолжать, да и во всем классе повисла какая-то неприятная, выжидающая тишина.

Я посмотрел на Тифона. Он сидел вроде бы глядя в учебник, но его желваки играли, румянец разгорелся больше обычного, взгляд уперся в одну точку.

Леха с непривычно серьезным лицом толкнул друга под локоть, но тот резко отдернул руку.

По соседнему ряду снова пополз шепоток. Глупая шутка грозила вот-вот перерасти в какой-то серьезный конфликт.

– Мне рыжие нравятся, – неожиданно для себя сказал я. – Как Трисс Меригольд и Эми Адамс⁷.

– Какой шаблон, – моментально откликнулась Попова. – Сразу ясно, что с фантазией у тебя слабо.

---

⁷ Amy Adams – американская актриса и певица.

– Оля, – Зоя посмотрела на нее осуждающе, – кончайте выпендриваться уже.

Но Попова не прекратила докапываться, она много болтала и бесконечно кокетничала, даже когда вернулась Наталья Сергеевна. Они с Емельяновой, похоже, решили принять меня в свою компанию. Но от таких я всегда шарахался как от огня. Поэтому после уроков, чтобы не идти домой с ними, я сказал, что мне нужно сходить в медицинский кабинет насчет карты из старой школы. Это было почти правдой, просто саму карту из дома я не взял. Так что пришлось немного побродить по школе, чтобы убедиться, что они действительно ушли. Во время этих хождений я от нечего делать заглянул в столовую.

Там за длинным дальним столом сидели Леха, Тифон и Зоя.

Упускать такой шанс было нельзя. Я купил сникерс и чай, походил по полупустому залу, типа выбирая место, и уже собрался сесть за другой столик, как Леха все-таки помахал рукой.

Перед парнями стояли пустые тарелки из-под борща и еще нетронутое второе: пюре с котлетой. Зоя, сидевшая напротив них со стаканом компота, подвинулась на лавке. Я сел, и все в молчаливом ожидании дружно уставились на меня.

Что говорить, никак не придумывалось.

– Так чего там с этим телефоном? – наконец спросил Три-

фонов с той доброжелательной небрежностью, которая так подкупила меня в первый день нашего знакомства.

Все-таки мне не показалось. Сам по себе он был дружелюбнее, чем держался.

Я достал «нокию», раскрыл переписку и протянул Тифону, но он попросил Зою прочесть вслух. Сначала она читала, немного кривляясь, с наигранным ученическим выражением, но потом посерьезнела. Дочитывала уже совсем негромко и сосредоточенно. А когда закончила, и Леха залип, с плотоядным интересом разглядывая фотку девушек, Тифон неожиданно сказал:

– Ну хорошо. Завтра в два у школы. Пойдем поищем твоего Хорька.

На радостях, что скоро избавлюсь от злосчастного телефона, я почесал до дома прямо по лужам. Брюки забрызгал, кеды промочил, но зато добрался минут за семь. Зашел в подъезд, ткнул кнопку лифта, и он загудел, но где-то слишком высоко. Ждать не хотелось, решил – быстрее пешком. Всего-то на восьмой. Однако успел осилить только три этажа, как на лестничном пролете увидел человека.

Он сидел, прислонившись спиной к стене, свесив голову на грудь, в какой-то странной, печальной, позе. Одна рука засунута за пазуху, другая вытянулась вдоль тела. На нем был коричневый спортивный костюм, а из-под расстегнутой куртки виднелась оранжевая футболка. Человек был немолодой, грузный, с белой седой головой и такими же белы-

ми пышными усами. Он мог, конечно, оказаться пьяным и просто спать, но одежда была чистой, а лицо не выглядело пропитым. Я осторожно поднялся к нему. Подошел, встал напротив, несколько раз позвал «эй». Никакой реакции. Тихонько потряс за плечо, белая голова безвольно и жутковато мотнулась в сторону.

Нужно было вызывать скорую или полицию, и я принялся шарить по карманам в поисках мобильного, а когда нашел и поднял взгляд, то от ужаса чуть не заорал. Человек пристально, исподлобья смотрел на меня очень светлыми, почти такими же белыми, как волосы, глазами. Я вскочил.

– Не вздумай никуда звонить, – прошептал он сухими, посиневшими губами.

– Вы потеряли сознание. У вас, наверное, сердце.

– Помогите встать, – он снова пошевелился и, с усилием подняв руку, поманил меня к себе. – Только не дергай сильно.

Пришлось взять его под локоть. Медленно, опираясь спиной о стену, он поднялся, а затем, ступенька за ступенькой, мы осторожно спустились к лифту.

Молча доехали до его пятнадцатого этажа. Он дал мне ключ, и я отпер дверь. Когда мы вошли, он сразу приложил палец к губам. Поэтому я как можно тише провел его в темную, зашторенную комнату и уложил на диван.

– Воды принеси, – попросил он. – И лекарства. Там, на кухне на столе, оранжевая коробочка. Тащи всю.

Я прошел на кухню прямо в обуви. Сразу нашел лекарства, налил из графина воду в круглую бирюзовую чашку из висевшего на специальной подставке набора.

Мужчина покопался в коробочке, достал свои таблетки и выпил.

– Может, все-таки врача вызвать? – предложил я.

– Ну их, – отмахнулся он. – Чем меньше с врачами имеешь дело, тем меньше болеешь. В больницу сразу потащат, а мне нельзя. У меня жена.

– Тогда я пойду, – я несмело попятился к выходу.

– Нет, погоди, как тебя зовут?

– Никита.

– А меня Вениамин Германович. Большое спасибо, Никита, что помог. Можешь еще одну небольшую услугу мне оказать?

Я неопределенно пожал плечами. Соглашаться не хотелось, а отказать – некрасиво.

– Сбегай, пожалуйста, в аптеку. Я как раз туда шел и вот, видишь, не дошел. Лекарства для жены нужны. Сама она у меня не ходит, а без них совсем туго. Я тебе за помощь заплачу. Там, в куртке, рецепт и деньги.

Благо, аптека была в соседнем доме, и я сбегал очень быстро.

За время моего отсутствия Вениамину Германовичу значительно полегчало, лицо приобрело естественный розоватый оттенок, а улыбка была уже не вымученная, а вполне на-

стоящая. Седые усы удовлетворенно топорщились, и он хотел даже сесть, но потом все-таки передумал.

– Возьми там деньги. купишь девчонкам конфет, – сосед весело подмигнул.

– Спасибо, не нужно. Я просто помог.

– А знаешь что? – он снова попытался сесть. – Приходи к нам как-нибудь вечером. После семи. Джейн будет рада. Ей позарез Ганимед нужен.

На моем лице отразилось непонимание. И Вениамин Германович, спохватившись, пояснил:

– Джейн – Жанна. Жена моя, художница. Днем спит, а ночами пишет. У нее проблемы со сном. Это ты для нее сейчас снотворное покупал. Она сейчас работает над «Похищением Ганимеда». Картина сложная, стилизация под классицизм, и очень нужна натура. Хотя бы на часок загляни. Мы заплатим, не волнуйся. Тут уже настоящая работа будет, а не помощь.

Когда я вошел в нашу квартиру, повсюду горел свет и орала музыка. И не просто музыка, а АВБА! Дятел же в темных очках и моей красной рубашке кривлялся перед зеркалом в коридоре. «The winner take it's all», – дрожащим голосом блял он.

Понаблюдав какое-то время за этим беспределом, я ушел на кухню и успел поесть, прежде чем он заметил мое возвращение. Влетел перепуганный, на ходу стаскивая рубашку:

– Ты давно пришел?

– Давно. По какому случаю праздник?

Он по-дурацки задержался и засмутился.

– Просто. Побесился немного.

– Больше мои вещи не трогай.

– Извини.

– Знаешь седого мужика с пятнадцатого этажа? У него же на еще художница.

– Вениамина Германовича? Конечно! Он же известный писатель. Бабушке три романа своих подарил. Только она их толком не читала и мне не велела. Сказала, эротики много.

– Ну и ты, небось, сразу кинулся читать.

– Я не кинулся, – Дятел потупился. – Но проверил... Ерунда. Ничего такого. Пишет, конечно, красиво, но совсем неинформативно.

Глава 5

С ребятами встретились в два часа у школы. Была суббота. На улице опять стояла жара, дышать нечем, солнце нещадно пекло, на небе ни облачка, и совершенно не верилось, что еще вчера шел дождь.

Трифонов сказал, что вначале просто пройдемся по району, а если сразу Хорька не найдем, то он поспрашивает у знакомых, но это в самом крайнем случае, потому что одалживаться не любит.

Криворотов был в белой с длинными черными рукавами футболке и светло-голубых джинсах, а Тифон в своем «джокере» и камуфляжных штанах. Бандану он надевать не стал, с гордостью выставив дракона на всеобщее обозрение.

Леха как заправский гид с большим удовольствием показывал местные достопримечательности. Закрытый на ремонт детсадик, в котором на полусгнивших верандах можно было беспалевно пить пиво. Длинную панельную девятиэтажку с люками без замков и свободным проходом на крышу. Ничем не примечательную табачную лавочку, известную тем, что в ней продавали сигареты хоть пятилетним. Старенький особнячок музыкалки, где Леха «потерял семь бесценных лет, насилуя аккордеон». Турники, на которых, чтобы не упасть в грязь лицом, мне тоже пришлось подтягиваться, длинный сплошной ряд старых зеленых, еще не снесен-

ных гаражей.

Болтал в основном Леха, Тифон лишь посмеивался и время от времени одергивал друга, чтобы не слишком увлекался и не придумывал, чего не было. Но того просто распирало.

– Люк канализационный видишь? Как-то мы со школы шли, и он открыт был, ну я просто так бросил туда камушек, проверить, глубокий ли, а внутри рабочий, оказывается, сидел, и ему этот камень прямо по башке попал. Я ж не знал, что там кто-то есть. А он как вылезет, как со злости погонится за нами. Ну, мы на крышу, – Леха широко махнул рукой в сторону гаражей. – Все забрались, а Тиф, коряга, прикинь, сорвался и прямиком в помойку. Вон в те мусорные баки. Рабочий, естественно, сразу к нему. Пришлось драными сапогами, горшками с землей и объедками из помойки в него кидаться, чтоб отстал. Мы так ржали, так ржали, что чуть с гаражей не попадали.

– Хватит гнать, – Тифон хрипло засмеялся. – То ж ты был. Вонял потом, как скунс.

– Да ладно? – По хитрому выражению Лехиного лица я понял, что он и сам прекрасно знает, что это произошло с ним, но признавать не собирается. – Ты же тогда еще куртку порвал.

– Куртку я не тогда порвал, – Тифон строго глянул на него исподлобья.

– А, точно. На крыше, да? – резко вспомнил Леха, разворачиваясь ко мне. – Там у нас два дома есть, со стороны ка-

жется, что это один буквой «Г» построен, а на самом деле их два, просто стоят очень близко друг к другу. Всего около пары метров между ними. Короче, как-то зимой Тиф с одним чуваком на спор прыгали с одного дома на другой.

– Вот про это совсем не обязательно трепать, – поморщился Тифон.

– А чего такого-то? – Леха попытался изобразить непонимание, но его сияющие синие глаза переполняло лукавство.

– Сказал, не надо, – Тифон остановился.

Когда он вот так смотрел прямо в упор, взгляд у него был очень неуютный.

– Хорошо, хорошо, – заверил Леха, затем выдержал паузу и добавил: – Да я в общем-то и не собирался рассказывать, как ты с этой самой крыши чуть не звезданул. Или это был не ты?

В ту же секунду я и глазом не успел моргнуть, как они помчались по пешеходной дорожке вдоль детской площадки.

И если бы у Лехи не вывалился из заднего кармана мобильник, Тифон вряд ли бы его поймал. Но когда Криворотов тормознул и наклонился, чтобы поднять трубку, Трифонов подскочил и, не давая ему разогнуться, придавил сверху коленом. А когда я подошел, как ни в чем не бывало отпустил и пристроился рядом со мной. Леха же так и остался сидеть на корточках. Однако стоило нам немного пройти вперед, как он вскочил, разбежался и запрыгнул Трифонову на спину. Тот мигом нагнулся и сбросил Леху через голову

на землю.

И они снова стали гоняться, смеясь и отвешивая друг другу пинки и подзатыльники. Всю дорогу. До тех пор пока не дошли до Гариков.

Сквер, где тусовались Гарики, находился между двумя серыми панельными домами. Подъездов на семь примерно. Узкая пешеходная дорожка с несколькими покореженными лавочками с обеих сторон была засажена сиреневыми кустами. В одном конце сквера стояли старые металлические качели и массивная черепаха-лазалка. В другом – деревянный столик и самодельные лавки.

В этот раз Гариков было немного: человек десять всего. Музыка не играла. Они просто сидели на лавках, курили и вяло перекидывались обзывательствами. Двое пили пиво из банок, остальные завистливо на них поглядывали. Неприятные парни, настоящая гопота, с такими я бы даже в отместку маме связываться не стал.

Но пришлось поздороваться со всеми за руку. Высокий чувак в синей клубной куртке с выбритым под ноль затылком и длинными патлами спереди встал.

– Какими судьбами? – спросил он, обращаясь к Трифонову.

– Хорька ищем.

– Что-то ты запропал.

Тифон насмешливо и немного высокомерно прищурился.

– Дела были.

– Лады. А то мало ли, обиду кинул, – парень смотрел на него настороженно, вероятно пытаясь угадать, что на самом деле скрывается за этой улыбочкой.

– Знаешь, Гарик, – довольно мирно сказал Тифон, – обида – это когда тебя твой друг подставляет, а когда человек никто и звать его никак, то пофиг.

Самоуверенность Тифона впечатляла. Но Гарик не только стерпел, но еще и стал оправдываться.

– Слушай, забей. Это случайно получилось. Я тут ни при чем.

– За случайно бьют отчаянно, – полушутя ответил Трифонов и похлопал его по плечу: типа, все нормально.

– Хотите анекдот? – решил разрядить обстановку Леха. – Короче, приходит в класс географичка-практикантка, а там полный беспредел. Все на ушах стоят. Она такая: «Здравствуйте, дети», – Леха голосом изобразил учительницу. – А дети ей: «Пошла вон». Ну, практикантка со слезами-соплями к директору. А директор: мол, сразу видно, что у вас никакого опыта общения с детьми нет. Нужно ведь сначала их удивить, заинтересовать. Ну и ломанулся сам в класс. Дверь с ноги и такой: «Здорово, мужики!» Дети: «Здорово». Директор им: «А слабо презик на глобус натянуть?» В классе замешательство: «А что такое глобус?» «А вот об этом, – Леха сделал многозначительную паузу, – вам и расскажет новая учительница».

Когда дикий гогот немного стих, Трифонов спросил:

– Так что насчет Хорька?

– Они в лесу, в беседке, – сказал один из пацанов. – Я их час назад встретил, туда шли.

Лес был густой, смешанный и, по словам Тифона, простирался на многие километры от города, а узкие асфальтные дорожки уводили в настоящую чащу, где водились белки, зайцы и лисицы. Женщина из той крайней пятиэтажки, где я метался, когда заблудился, рассказывала Лехе, что как-то рано утром под своими окнами она видела пасущегося лося. В самом же лесу лоси были явлением рядовым и людей почти не боялись.

Пригородная часть леса условно разделялась на три зоны. «Культурно-оздоровительную», как назвал ее Тифон, – для прогулок пенсионеров, собачников и семей с маленькими детьми. «Досуговую», с лавками, столиками и беседками, – место всевозможных массовых пьянок и пристанище алкоголиков, а также «жилую» – глухомань, где спали бомжи, тусовались наркоманы и водились маньяки.

Мы свернули от центральной аллеи вправо на одну из боковых дорожек. Затем еще на одну. Неподалеку от щита «Огонь разводить запрещено» стояла так называемая беседка. Четыре столба и на них крыша. Между столбами толстые поперечные балки, вдоль них доски лавок. Посредине – сиротливый одноногий столик. На ближайшем невысоком деревце висело что-то странное. Я сначала подумал – бутылки, но потом пригляделся и понял, что это дохлые голуби. Штук

пять или шесть. Омерзительная картина.

На столике сидел кудрявый парень, остальные двое или трое растянулись на лавках. Заметив нас, пацаны встревоженно повскакивали. Среди них я сразу увидел самого Хорька.

– Так, проверка документов. Никому не двигаться. Руки на стол, – издали прохрипел Трифонов строгим голосом.

– Чего это вы тут делаете? Опять клей нюхаете? – Леха шутя отвесил крайнему подзатыльник.

Хотя «хорьки» и узнали Леху с Тифоном, менее испуганными они от этого не стали.

– Ладно, не дергайтесь, – Трифонов примирительно поднял ладонь. – Никакого напряжения нет. Один вопрос – и мы уходим.

Пацаны не пошевелились. Головы вжаты в плечи, руки в карманах.

– Покажи им телефон, – велел он мне.

Я достал «нокию».

– У кого была эта трубка? – Тифон передал ее Хорьку, а тот – остальным.

– Ну, у меня, – сказал кудрявый. – Я случайно с «самсунгом» перепутал. Но его уже нет, сестре отдал, а она подруге какой-то подарила. В общем, с концами.

– Этот где ты взял? – Трифонов резко развернулся к нему.

– Нашел.

– Ну, начинается. Слышь, ты не в ментовке, давай отвечай

нормально, по-хорошему.

– Нет, реально нашел, – забеспокоился парень. – В тот же день. Даже симку выкинуть не успел.

– Где нашел-то? – нетерпеливо встрял Леха.

– Возле ТЭЦ. Со стороны, где заброшка. Возле лаза в заборе валялся. Он желтый. Заметный.

Мы переглянулись.

– Ладно, – бросил Тифон, с отвращением оглядывая дерево с голубями. – Живите.

Но сразу в город мы не пошли. Минут десять петляли по узким тропинкам. Наконец выбрались на поросшую низким кустарником и травой просеку со здоровенными высоковольтными опорами ЛЭП, широконогими, устремленными острыми конусами в небо железными гигантами.

Один конец просеки уходил далеко-далеко, сливаясь с лесом и горизонтом, а другой заканчивался новенькой высотой.

Здесь было намного свежее, чем в запыленном душном городе, а в воздухе отчетливо ощущалось наступление осени. То ли из-за запаха залежавшейся хвои, то ли из-за прохлады, время от времени приносимой ветром, то ли из-за неба, выглядевшего отсюда белее и выше, то ли дело было в тонюсеньких паутинках, плавно покачивающихся в колосках высокой травы. То ли во всем сразу.

А может, просто во мне в этот момент что-то переключилось. Только вышел на просеку и сразу почувствовал это где-

то в области солнечного сплетения. Какую-то необъяснимую тревогу и внезапную грусть от того, что уже ничего не будет как прежде.

– Дальше не пойдем, – Тифон плюхнулся на бетонное основание вышки.

Леха садиться не стал. Они достали сигареты и закурили.

– Раньше, когда мы были Командой семь, всегда здесь зависали, – с ностальгической улыбкой сказал Тифон, морщась от дыма. – Хотели стать самой непобедимой командой в мире.

Он улыбался своим мыслям, и в такие моменты из-за не проходящего румянца на скулах выглядел по-девичьи смущенным.

– Зачем?

– Затем, чтобы иметь свою силу. В реальном мире – самый крутой скилл. Потому что тут нет магии и тебя никто не похилит в случае чего.

– А как же мозг? – удивился я.

– А что мозг? – Тифон посмотрел на меня так, будто я с неба свалился. – Мозг никто не отменял. Вот оттого у людей и проблемы, что они вечно делают ставку на что-то одно.

– Да какая разница, на что делать ставку? – вмешался Леха. – Цель всегда – бабло. А через какое место ты его получишь, вообще не важно. Потом все равно купишь то, чего тебе недостает.

– Да что ты говоришь? – насмешливо прохрипел Тифон. –

И где же взять столько бабла, чтобы не быть говнюком?

– Сам про себя такого никто не признает, а на мнение других, когда у тебя есть деньги, можно забить болт. – Логика Лехи звучала разумно.

– Ну, хорошо, а где их взять-то, эти деньги?

– Если есть сила, можешь отнять, а если мозги, то развести кого-нибудь.

– И на эти деньги купить совесть.

– Не, – Леха скривился. – Совесть – это баг. На фига ее покупать?

– А что тогда делать человеку, у которого чуток силы и совсем немного мозга? – Тифон, хитро прищурившись, посмотрел на Леху.

– Ну, в моем случае ни то ни другое не нужно, – Леха горделиво поднял голову и расправил плечи. – За красоту люди сами все отдают.

С этими словами он выбросил бычок в траву, ухватился за металлическую перекладину вышки и подтянулся. Закинул ноги, перевернулся и, поднявшись в полный рост, начал карабкаться еще выше.

Тифон так же ловко полез следом. Его руки впечатляли – сплошные мышцы и вены, хотя качком он вовсе не выглядел. Подтянулся на правой, перехватился левой, легко и просто: раз-два, раз-два, будто это не требовало никаких усилий. Немного заворуженно я смотрел на них обоих, как на акробатов в цирке.

Подниматься слишком высоко Криворотов все же не стал, уселся на горизонтальной планке и, прицелившись, плюнул на Тифона, но не попал, зато тот через несколько секунд был уже рядом с ним. Я испугался, что они начнут толкаться, но у обоих хватило ума этого не делать.

Снизу мне казалось, что ребята не так уж и высоко, но когда сам добрался до них и глянул на землю, внутри пробежал холодок.

Зато оттуда были отлично видны полосатые красно-белые трубы с одной стороны и новенькая многоэтажка с противоположной. Линия электропередачи приближалась к высоте чуть ли не вплотную, а затем уходила куда-то дальше, в сторону шумевшего за лесом шоссе.

Изловчившись, Леха достал свой мобильник и принялся делать селфи.

– Как быть с «нокией»? – вспомнил я о неприятном. – Зарядки десять процентов осталось.

– Выброси симку или даже трубку, – ответил Тифон.

– Я про другое. Что делать с этой Яной?

– А что ты сделаешь? Человек просто потерял телефон.

– ТЭЦ – это где?

– Трубы видишь? – он махнул в сторону горизонта. – Это ТЭЦ. Некоторые помещения неработающие. Зброшенные. В последний раз я летом туда лазил. Был когда-нибудь на заброшке?

– Нет.

– Как можно дожить до семнадцати и не влезть на заброшку? – воскликнул Леха потрясенно. – Стоит один раз попробовать, и твоя жизнь уже никогда не будет прежней. Идем завтра?

Он с надеждой посмотрел на Тифона.

– Завтра у Зои день рождения.

– Точно, – Леха шлепнул себя ладонью по лбу. – Тогда на следующей неделе.

– Можно.

Мы замолчали, и стало слышно, как от ветра шумит листва. Ребра стальной балки больно впивались в ладони и ляжки, но именно из-за этого, из-за этой тупой, медленно разрастающейся боли, из-за чистого глубокого неба, ветра, свежего осеннего воздуха и высоты я внезапно в полной мере ощутил, что я есть. Открытие, достойное Капитана Очевидность. Но никогда прежде у меня не было такого, чтобы хотелось удержать какой-то момент. Накатило и подняло к проводам. Еще вдох, и унесло бы до самого белого дыма из трубы.

Я подумал, что странно устроены люди, стремясь сбиваться в тесные городские коробки, чтобы жить друг у друга на головах, когда вокруг природа и полно свободного места. Этот вопрос меня интересовал уже давно. Но сколько я ни гуглил, кроме ответа, что человек – существо социальное, ничего вразумительного так и не нашел.

– Интересно, почему люди не могут сами по себе? – я кив-

нул в сторону дома. — Вон сколько леса кругом. Многие ненавидят друг друга, но все равно живут вместе. Некоторые вообще всех ненавидят, но никуда не уходят.

— А кого им тогда ненавидеть? Самих себя? От этого сходят с ума, — сказал Тифон. — Я ролик смотрел про заключенных в Алькатрасе. У них реально крышак едет. Оттого, что перестают понимать, кто они, и существуют ли на самом деле. Потому что только через других можно увидеть себя.

Электрические провода над нами громко и назойливо гудели.

— Хорош грузить, — Леха съехал с балки и повис на руках. — Лучше идем пожрем чего-нибудь.

Он потащил нас в палатку с шаурмой, где на большущем вертеле крутился здоровенный обтрепанный кусок мяса. Я никогда не пробовал шаурму, мама всегда шарахалась от палаточного общепита как от проказы. Но в этот раз отказываться не стал, парни и так не понимали, почему я не курю.

Взяли по куску пузатого, напичканного всякой всячиной горячего лаваша и, запивая ледяной колой, стали есть прямо там, за палаткой. Неожиданно это оказалось очень вкусно.

— Знаете, что отвратительнее, чем откусить шаурму и обнаружить там червяка? — Леха с аппетитом уминал свою порцию.

Мы с Тифоном брезгливо скривились и невольно посмотрели внутрь своих кусков.

— Обнаружить там половину червяка, — Леха радостно за-

смеялся своей детской шутке.

– Слушай, Лех, – Тифон иронично прищурился. – А что, ты прямо так все съешь? Даже фоткать для Инсты не будешь?

– Не, я уже сегодня оладьи выкладывал и кофе. Обойдутся.

– Оладьи не считаются, они домашние, а тут – шаурма. Пусть все знают, какой ты рискованный парень.

Внезапно округу взорвали громкие восторженные вопли:

– Ле-е-е-ша! Ле-е-е-ша!

От автобусной остановки напрямик к нам двигалась компания шумных и пестрых девчонок.

Увидев их, Тифон чуть не подавился и пихнул меня в бок.

– Девки из восьмого. Они все впятером Леху любят.

Леха тоже радостно замахал им в ответ.

– Ты че, дурак? – Тифон дернул его за футболку. – Теперь вообще не отстанут. Валим к Мироновой.

Мы дошли до той самой девятиэтажки с открытыми люками, поднялись пешком на шестой, и парни тут же принялись остервенело трезвонить и стучать кулаками в дверь: «Открывайте, полиция!»

Зоя в коротеньких желтых шортах и широкой безразмерной футболке выскочила на площадку и, поспешно прикрыв за собой дверь, чмокнула по очереди в щеку Леху и Тифона, затем коротко кивнула мне.

– Че такое? – громко зашептал Леха, сообразив, что шу-

мать, оказывается, не стоит.

– У нас ребенок.

– Какой еще ребенок? – лицо Тифона вытянулось.

– Девочка. Ей десять дней.

– Да ладно! – Леха удивленно присвистнул. – И кого это так угораздило? Тебя или Нинку?

– Маму, – со смехом ответила она. – Вот сижу, подменяю ее, пока по магазинам ходит. Они завтра на дачу.

Леха тут же заныл:

– Дай позырить. Я такую мелочь никогда не видел.

– Не нужно. Дышать на нее будешь своими микробами.

– Не буду дышать. Издали посмотрю.

– Мама прийдет, если узнает, – сопротивлялась Зоя.

– Туда и обратно, – клятвенно пообещал Тифон.

Тихонько запустив нас в квартиру, Зоя велела снять обувь.

В единственной комнате царил полнейший бедлам, двухспальный диван был разобран, на нем и на полу валялись вещи.

– У нас тут немного не убрано, – пояснила без капли смущения Зоя и показала на решетчатую деревянную кровать возле окна. Мы осторожно приблизились к ней и остановились один за другим, заглядывая внутрь.

– Это Ио, – прошептала Зоя с умилением.

– Так назвали? – удивился Леха.

– Назвали Соней, но я зову ее – Ио. Ты что, в Доту не

играл?

И пока Леха дразнил Зою глупыми вопросами про уровни здоровья, ману и скиллы, я заворуженно разглядывал ее саму через зеркальные дверцы шкафа купе.

– Ты что творишь? – Зоя шлепнула Трифонова по руке. – Сдурел?

– А чего такого? Я же осторожно, – Тифон убрал руки за спину.

– Все, валите уже. Вы грязные, с улицы. Обещали только посмотреть, а теперь еще и лапами своими лезете, – она принялась отпихивать его от кровати, и он послушно пошел на выход, но в узком проходе коридора затормозил прямо перед ней, уперся обеими руками в стены, и сколько Зоя не пыталась, никак не могла сдвинуть его с места.

– Гулять-то пойдешь?

Но пронзительный звонок в дверь не дал ей ответить. Такой резкий, что вздрогнули все.

– Странно, – прошептала Зоя. – Вообще-то мама знает, что Соня спит. Если только ключи забыла. Тогда сейчас всех на месте пришьет без суда и следствия. Лучше спрячьтесь.

– Где тут спрячешься? – развел руками Тифон. – Твоя мать нас в два счета найдет, и будет еще хуже.

– Я на кухне отвлеку, дверь запирать не буду, и вы быстро выскочите. Давайте двое под кровать, один в шкаф.

Дребезжащая трель звонка с новой силой прокатилась по квартире, и Тифон с Лехой, не сговариваясь, метнулись под

раскладушку дивана. Зоя молча указала мне на шкаф-купе. Благо, место под вешалками было свободно. Звонок раздался в третий раз. Зоя бросилась открывать. Я задвинул дверь.

Однако пришла не мама. Голос был мужской, грубый и требовательный. Я услышал, как Зоя громко сказала «нет ее» и «вали», но человек уходить не собирался. Вместо этого уже в комнате, совсем близко, я услышал: «Че, правда нет?»

– В магазин ушла.

– Я подожду.

– Нет уж. Смотри, чуть ребенка не разбудил.

– Ладно, сейчас проверю, чтоб наверняка, и уйду.

– Не нужно ничего проверять, – в голосе Зои послышалась встревоженность. – У подъезда, если хочешь, подожди.

– Ага, я буду торчать у подъезда, а она преспокойненько себе из шкафа вылезет, как в прошлый раз, а еще морду потом сделает, типа: «Не знаю ничего, пришла десять минут назад».

– Нет ее в шкафу, – почти закричала Зоя.

Я понял, что дело начинает принимать дурной оборот, однако особо испугаться не успел, потому что дверь шкафа отодвинулась и передо мной возникли ноги в темно-синих джинсах и потертых коричневых ботинках. В первый момент, обшаривая взглядом вешалки, мужик меня не заметил, но потом все же опустил голову. А как только наши глаза встретились, он резко отпрянул и грузно рухнул на диван. В

ту же секунду оттуда донесся едва различимый сдавленный стон. Но мужик, поспешно вскочив, его не услышал.

– Ты, блин, кто?

Он был русоволосый, невысокий и худощавый, лет сорока пяти, с длинным носом и глазами, как у спаниеля.

– Дед Пихто, – Зоя уцепилась за его локоть, пытаясь выставить. – Иди уже.

Я молча выбрался из шкафа. В голову ничего путного не приходило.

– Нет, погоди, – мужик грубо отпихнул ее и, схватив меня за футболку, легонько встряхнул.

– Мой друг это, – раздраженно пояснила Зоя.

– А чего он в шкафу делает?

– Тебя не касается. Уходи.

От нелепости ситуации мне стало смешно.

– Нет, а чего он ржет? – мужик снова требовательно встряхнул меня. – Че ржешь?

– Думал, Зоина мама пришла и убьет за то, что толчемся возле ребенка. А теперь представил, что она сделает, если сейчас вернется и застанет возле кровати нас всех. Еще и в обуви.

Я покосился на его ноги. Он тоже посмотрел на свои стоптанные ботинки.

– Ладно, внизу обожду.

Как только дверь за ним захлопнулась, Леха с Тифоном выбрались из-под дивана и тут же от смеха на него и пова-

лились.

– Ой, не могу, – всхлипывал Леха. – Ну ты, Никитос, даешь!

– Даже я бы этого козла так идеально не выпроводил, – признался Тифон.

– Спасибо, Никита, – по-мужски пожимая мне руку, сказала Зоя.

Я кивнул и, кажется, покраснел, глядя на ее тонкие сильные пальцы в своей ладони.

– Кто это?

Она поморщилась:

– Материн брат, дядя Гена. За деньгами вечно приходит. Как бабушка умерла, так теперь и тянет из матери жилы. Свою долю от квартиры требует. А та квартира в новостройке, второй год в эксплуатацию сдать не могут. Так бы мы ее продали и рассчитались с ним. Я сказала маме, что мы с Ниной работать пойдем, а она только раскричалась, что запрещает бросать школу. У нее просто сейчас заказов совсем мало. Последние шторы неделю назад отдала.

Тифон слушал, иронично нахмурившись, и как-то полуприкалываясь кивал, словно она какую-то чепуху говорит. Потом ни с того ни с сего разулыбался:

– А ты за лето выросла. Разговариваешь почти как взрослая. Я по тебе скучал.

И тут они устроили такие гляделки, что я сразу сник. Похоже, все-таки зря обнадеживался.

На улице на лавочке сидел этот дядя Гена и что-то писал в телефоне. На нас даже головы не поднял.

Мы отошли немного в сторону, и Тифон притормозил.

– Может, пора вломить ему? – спросил он Леху спокойным будничным тоном. – А то она возьмет и из-за него еще правда школу бросит. Ишь, работать собралась.

– А чего такого? – пожал плечами Леха. – Вообще-то это нормально. Если денег нет, люди работать идут.

– Ты че, дурак? – Тифон застыл. – Куда ей работать? Ей семнадцать. Что она будет делать? В шашлычной столики протирать?

В первый раз за день выражение Лехиного лица сделалось скучным и утомленным. Разговор ему явно не нравился.

– Я на Зойкиного дядьку не полезу.

– А я тебе и не предлагал. Только совета спросил.

– Считай, ты его получил.

– Иди в задницу.

– Сам иди.

Последние слова Леха сказал уже в спину Тифону.

– Они встречаются? – осторожно спросил я, когда Трифонов отошел на приличное расстояние.

– Кто? Зойка с Тифоном? – Криворотов сделал пару затяжек, точно обдумывая вопрос. – Зойка ни с кем не встречается. Она наш друг. Кореш. Но все равно, если собираешься подкатить, то сразу выбрось это из головы. Тиф к ней и на пушечный выстрел никого не подпустит. Все в округе про

это знают, никто не суется.

А когда я уже возвращался домой и слушал музыку, все думал, что люди вон в какой тесноте живут, а я своим, видите ли, в трешке помешал.

Глава 6

Когда мне исполнилось восемь, родители уже развелись. И все вокруг меня жалели.

То и дело за спиной я слышал разговоры о том, что мальчику нельзя расти без отца и что отныне «нормальным мужиком» мне не стать. Звучало как смертельный диагноз, который тайком от умирающего сообщают его родственникам.

Поначалу подобные темы озадачивали, потому что я не знал, о чем вообще речь. Папа никогда не делал из меня «мужика». Он просто был одним из двух самых важных людей в моей жизни. Читал мне книжки, шутил, смотрел со мной Джетикс, собирал Лего, возил в кружки и, когда мама отворачивалась, забирал из моей тарелки вареную морковь, потому что я не люблю овощи.

Однако его мне действительно недоставало. Но не так, как все об этом говорили.

Для окружающих я был ребенок «без отца», а мне просто очень сильно хотелось к нему. Подержать за руку, пощекотаться воскресным утром, еще лежа в постели, почувствовать запах его туалетной воды и просто услышать голос: «Никитка – рогатая улитка».

В то время мама очень старалась, чтобы я как можно меньше думал об этом. Носилась со мной круглосуточно – двадцать четыре на семь. Школа, кружки, секции, вечерний

киносеанс, книжки перед сном. Ну и параллельно со всем этим турагентство. Ругалась часто, была нервная, но, когда дела по работе удачно складывались, мы с ней отлично развлекались. Пекли фигурное печенье, лепили из светящегося пластилина модель Солнечной системы, играли в крестики-нолики цветной пастелью на белой кухонной плитке, делали из старых носков кукол и устраивали кукольный театр. А еще она могла ни с того ни с сего взять и заказать нам суши или горячую пиццу. Мы ели и смотрели какой-нибудь классный фильм.

Помню, как-то раз на Новый год под утро, после того, как все гости ушли, я обнаружил ее спящей в кресле. Голова откинута, волосы растрепаны, и в них застряли конфетти, тушь под глазами размазалась, рука свесилась с подлокотника. Я посмотрел, посмотрел и вдруг понял, как ужасно сильно ее люблю. Так сильно, что даже словами не выразить. Будить было жалко, но я не сдержался, обнял крепко-крепко, а когда она сонно улыбнулась, сказал, что никогда в жизни ее не брошу, и она ответила, что никогда не бросит меня. Тогда я был счастлив.

Я проснулся среди ночи от беспокойной мысли, что должен проверить «нокию». Наверное, приснилось что-то. Долго шарил по ящику, нащупывая телефон, и чуть не разбудил Дятла, потому что он заворочался и застонал. Наконец нашел.

Всего одно сообщение:

«Если ты еще здесь, будь человеком, откликнись. Нам очень нужна помощь!»

Зарядки оставалось четыре процента. Если начать переписываться, аккумулятор сдохнет моментом. Не знаю, что на меня нашло. Какой-то невероятный прилив смелости спросонья.

Я взял трубку, тихо прокрался на кухню, свет включать не стал, прикрыл дверь, сел на пол за дверью и, глубоко вдохнув, набрал номер.

– Это вы? Это ты? – голос был молодой, но не детский.

– У меня телефон вашего папы. Я его нашел на улице. Могу вернуть. Больше не знаю, чем помочь.

– Пожалуйста, не клади, не кладите трубку. Понимаете, так получилось, что мы с сестрой остались совершенно одни. Без денег, еды и одежды. Если в вас есть хоть что-то человеческое, помогите, пожалуйста.

– Может, вам в полицию позвонить лучше?

– Ни в коем случае нельзя в полицию. Мы живем... Аня, где мы живем?

В трубке послышалось шуршание и спор.

– Мы не знаем адреса, – наконец сказала моя собеседница.

– У вас есть какие-нибудь родственники? Я могу связаться с ними. – Это было самое лучшее решение.

– Никого, – после задумчивого молчания печально произнесла девушка.

И мне снова стало не по себе, будто я веду себя как черст-

вая, бездушная скотина.

– Тебя как зовут? – она едва слышно всхлипнула.

– Никита.

– Позвони нам через пару дней, Никита. Пожалуйста. Мы узнаем адрес.

– Аккумулятор не доживет.

– Так позвони с другого. У тебя же есть другой телефон? Только обязательно позвони.

Она отключилась, а я так и остался в полной растерянности сидеть на полу. Из огня да в полымя. Хуже не придумаешь. И как меня так угораздило вляпаться?

А на следующий день, в воскресенье утром, неожиданно написала Зоя. И не просто написала, а спросила, не хочу ли я прийти к ней на день рождения в боулинг. Как только я это прочел, сидел минут пятнадцать, уставившись в экран ноута и не веря своим глазам.

Придумать подарок девушке, которая тебе жутко нравится, еще то испытание. Я проболтался в магазине с женскими побрякушками около получаса. Хорошо, подошла продавщица и помогла. Нашла большую металлическую заколку, сделанную в виде золотого цветка с бирюзовыми камушками по краям, и заверила, что механизм у нее такой надежный, что подойдет даже для конской гривы.

Пока я шел в боулинг, сильно волновался: что там будет и кто. Однако, как выяснилось, зря переживал. Кроме Криворотова и Трифонова, Зоя больше никого не приглашала.

Только чуть позже должна была подойти ее младшая сестра – Нина, которую я еще ни разу не видел. Знал лишь, что она учится в десятом и что у них с Зоей не слишком теплые отношения.

Понятно, что ни одно событие не происходит без причины. Без множества различных причин и стечений обстоятельств, когда тысячи ниточек должны переплестись и связаться вместе. Однако в каждой истории есть место, с которого все начинается. Так вот, скорее всего, все началось не с телефона и не с ТЭЦ, а именно с боулинга.

Боулинг был обычный. Не большой, не маленький, дорожек на восемь, оформленный под космический корабль. Когда я пришел, Зоя с Тифоном уже какое-то время сидели там, и перед ними стояли два полупустых стакана с колой.

Зоя была непривычно ярко накрашена, в свободной темно-зеленой кофте с большими вырезами на плечах и узкими рукавами. Красиво, но из-за этой нарядности она показалась мне немного чужой.

Леха появился за несколько минут до меня и торжественно презентовал свой подарок – большую завернутую в золотистую подарочную бумагу коробку, где, по его честному признанию, находилось «неизвестно что», поскольку подарок выбирали «его девчонки». От коробки за километр пахло парфюмированным мылом, так что догадаться, что это, особого труда не представляло. Но Зоя вежливо распечатала ее, достала белый с оранжевыми разводами шарик, очень

похожий на мороженое, понюхала и попросила передать девочкам, что подарок ей очень понравился.

– Что это? – Тифон взял этот шарик у нее из рук.

Он тоже, можно сказать, принарядился, надев белую футболку и сменив традиционные камуфляжные спортивные штаны на черные, драные на коленках джинсы.

– Бурлящий шар, – сказала Зоя. – Бросаешь в наполненную ванну, и он пенится.

Лицо Трифонова выражало полнейшее недоумение.

– Зачем?

– Ну, валяешься себе в ванной, вокруг тебя гейзеры бьют, а ты лежишь и кайфуешь, – с умным видом пояснил Леха.

– Хочешь, возьми попробуй, – предложила Зоя.

Трифонов поспешно вернул ей шарик, будто ему предложили что-то стыдное.

– Я в ванной последний раз лет в пять мылся. В кораблики играл.

– Че, корабликов не осталось? – такое упустить Леха никак не мог.

На нем была безумно-розовая, но очень шедшая к его глазам рубашка.

– Кораблики-то остались, а вот времени отмокать нет. После тренировки пришел, душ принял и свалился в кровать. Какие еще на фиг гейзеры?

– Не умеешь ты расслабляться, Тиф, – с осуждающим вздохом покачал головой Леха.

– Мне нельзя расслабляться.

И он отправился заказывать пиццу, а как только отошел, Зоя с хитрым лицом сунула этот шарик в карман его висевшей на спинке стула толстовки.

Тогда я набрался смелости и тоже поздравил Зою. Она достала из пакетика заколку и покрутила в руках.

– Очень классная! Спасибо. Как раз то, что нужно. У меня была похожая, но сломалась. Тиф три раза чинил, а потом я уже и не показывала, чтоб не расстраивался. Мне вообще мало что подходит. Волосы слишком густые и непослушные. Вот, смотри.

Взяла меня за руку, и в ту же минуту мягкие вьющиеся пряди приятной тяжестью легли на ладонь. Отпускать не хотелось, но Зоя встряхнула головой, и волосы выскользнули из пальцев. Даже пожелай я удержать, все равно бы не смог.

Оказалось, что в боулинг я играю лучше всех. Трифонов кидал шары с силой, резко и быстро, так что дорожка грозила проломиться, а Леха и прицелиться не успевал, потому что дурачился постоянно: то ласточку сделает, то, стоя спиной к дорожке, между ног шар запустит, то будто бы поскользнется и проедется на пузе. Нам из-за него несколько раз администратор замечание делал.

Зоя же только хохотала над Лехой и снимала его кривлянья на телефон. А Трифонов подначивал:

– Давай-давай, Криворотов, покажи класс!

Ну, в итоге Леха и показал «класс». В очередной раз взяв

тяжелый зеленый шар, демонстративно сунул в него пальцы и уже приготовился к броску, как вдруг замешкался, встряхнул рукой раз, другой, но шар словно приклеился.

– У меня реально пальцы не вылазят! – испуганным голосом пожаловался он.

– Все, хорош, – сказал Тифон. – Я уже устал смеяться.

– Да не, в натуре! Застряли! – Леха снова потрянул кистью и попробовал стащить шар, зажав его между коленями.

Тогда Трифонов по-деловому подошел, взялся за шар и дернул. Леха истошно взвыл, но шар так и остался на руке.

– Держи прикурка, а я снимать буду, – велел Тифон.

Я схватился за Леху, и Трифонов без особой нежности принялся тянуть злосчастный шар. Криворотов снова так зверски заорал, что все люди с соседних дорожек замерли, уставившись на нас.

– Может, кого позвать из персонала? – предложил я. – У них тут, наверное, частенько такое происходит, и они знают, что делать?

– Это вряд ли, – сказал Тифон. – Криворотов сюда в лучшем случае пару раз в год заходит, а других таких идиотов в районе больше нет.

Он пошел, взял со столика бутылочку с маслом, которое принесли для пиццы, и, сев на корточки, начал обмазывать им отверстия с плотно засевшими в них Лехиными пальцами. Масло внутрь не проходило, а только стекало по шару и капало на пол. Зоя побежала за салфетками. Тифон снова

дернул: резко и без предупреждения. Леха заорал и стал носиться вдоль дорожки как петух недорезанный, но шар по-прежнему сидел у него на руке.

И тут вдруг Трифонов заметил что-то в глубине зала, лицо его вытянулось.

Я оглянулся.

К нам шла та самая молоденькая девушка с красивыми коленками и Яров. На нем был светлый спортивный пиджак, а в руках – большущий букет белых роз.

– Все, я ухожу, – сказал Трифонов.

– Не нервничай, пожалуйста, – ласково попросила Зоя. – Побудут десять минут и свалят.

Леха, с легкостью освободившись от шара, запустил его по дорожке.

Яров подошел, вручил Зое цветы, поцеловал в щеку. Поздоровался со мной, кивнул Лехе, а в сторону Трифонова и не посмотрел.

Зоя представила меня молоденькой девчонке:

– Это Никита, наш новенький, – потом развернулась ко мне. – А это Нина, моя сестра.

Вот так сюрприз.

Я вежливо улыбнулся, но Нина сделала вид, что не узнала меня. Волосы у нее были как у Зои, такого же рыжего оттенка, но не вьющиеся, а прямые и очень блестящие, наверное, кучу геля на них вылила, чтобы так распрямить. Кожа нежная, губы большие, капризные и почти без помады. Но глаза

совсем не походили на Зоины – круглые, как вишни, золотисто-коричневые, томные, густо намазанные черной краской.

Зоя усадила их за столик, а мы остались молча кидать шары. Вскоре к нам подошла Зоя.

– Ну, извини, – тихо сказала она Трифонову. – Она моя сестра. Я не могу указывать ей, куда и с кем ходить.

– Хочешь, я укажу? – Вена у него на шее так пульсировала, что казалось, будто дракон пытается взлететь.

– Перестань.

– Тогда я сваливаю.

– Только попробуй. Уйдешь, я обижусь.

– У меня на этого козла аллергия.

– А у меня день рождения!

– Да мне пофиг, – бездумно, по-мальчишески, огрызнулся Тифон.

Глаза Зои на миг расширились от удивления, но она ничего не сказала, просто развернулась и ушла.

– Зря ты так, – сказал Леха.

Но Тифон, видимо, и сам понял, что облажался, однако извиняться не пошел, лишь раздраженно отмахнулся и продолжил кидать шары.

Мне же захотелось как-то приободрить Зою, ведь она не виновата, что ее сестра привела сюда Ярова, и я подсел к ним за столик. Там все молчали. Зоя скрестила руки на животе и явно дулась, а Нина, закинув ногу на ногу, в длинных сапогах на высоком каблуке, с интересом смотрела на про-

должающих играть Леху с Тифоном, лишь время от времени отвлекаясь, чтобы взглянуть на то, что показывал ей Яров в своем телефоне. А когда он по ее просьбе пошел за шоколадным коктейлем, неожиданно сказала Зоя:

– Андрей так повзрослел за лето.

– Кто? Трифонов? – Зоя точно очнулась. – Да ну, как был недоумком, так и остался.

– Нет, очень сильно повзрослел. – Нина столь оценивающе разглядывала Тифона, что я немного прифигел. Всегда считал, что так только парни на девчонок смотрят.

Затем она медленно повернула подбородок в мою сторону и, не мигая, уставилась из-под длинных черных ресниц.

– А ты почему не играешь?

– Никита очень хорошо играет, – сказала Зоя.

– Вам нужно командами сыграть, – Нина кокетливо приподняла одну бровь. – Двое на двое.

– Зачем это тебе? – еще больше рассердилась Зоя. – Не видишь, что из-за твоей глупости и так все напрягаются? У меня день рождения, и всем должно быть весело.

– Вот именно. Должно быть весело, а не как сейчас.

Мы прослушали целиком «Shape of you» и «Bonbon». Но когда вернулся Яров, Нина все равно сообщила, что нашла ему пару, и отправилась уговаривать Трифонова и Криворотова сыграть с нами. Минут десять тщетного нытья и кокетства, но Тифон был кремень.

Однако вскоре Яров то ли заревновал, то ли решил изба-

вить ее от дальнейших унижений и, подойдя к Трифонову, громко, с вызовом сказал: «Кто проиграет, тот дерьмо».

Удивительно, но эта детская разводка сработала на раз. Трифонов застыл, несколько секунд глядя на Ярова в упор, а потом кивнул: «Хорошо. Играем на дерьмо. Сам напросился».

Леха же отреагировал совсем иначе.

– Что? На дерьмо? Я на это не подписывался. Идите на фиг. Я не буду играть, – на полном серьезе расшумелся он, и люди с соседних дорожек опять стали коситься в нашу сторону.

Зоя быстро обернулась ко мне:

– Ты тоже не соглашайся. Скажи, что не участвуешь. Это отвратительная затея.

Но все решилось без меня. Леха отказался наотрез и прибежал к нам раньше, чем я успел подняться. За ним вернулась и Нина.

– Безмозглая курица, – неожиданно зло наехал на нее Леха. – Че приперлась?

– Тебя, Криворотов, забыла спросить, – с неприязнью откликнулась Нина, и я понял, что они не особо симпатизируют друг другу.

Леха подсел к Зое, взял ее руки в свои и принялся что-то энергично шептать на ухо.

Яров играл неспешно, с небрежным пафосом, картинно немного, перед девчонками рисовался и выглядел совершен-

но спокойным, в отличие от Трифонова, который нервничал и злился. Часто промахивался, не выбил ни одного страйка и в итоге принялся откровенно задирать Ярова. Типа: «Слышь, ботан, руки береги, тебе еще училкам подарки носить»; «Слышь, холуй, наклоняйся ниже, тебе пригодится», «Слышь, чудило, меться точнее, промахнешься, папка ремня даст» и все в таком духе.

Ярик с непроницаемым покер-фэйсом какое-то время стойко терпел все эти оскорбительные выпады, но потом вдруг не выдержал и на очередное «слышь» в том же тоне ответил:

– Слышь, не успокоишься, домой на костылях пойдешь.

– Правда, что ль? – с лету подхватился Тифон, только того и ожидая. – Иди-ка успокой меня.

Ничуть не смутившись, Яров подошел. Совсем близко, на расстояние черного шара, который Тифон держал перед собой. Телосложение у них было схожее, Ярик, может, чуток повыше, а в плечах Трифонов шире.

Яров что-то тихо сказал ему в лицо, Тифон – сплошной комок нервов – так же тихо ответил и пихнул Ярова шаром в грудь.

Дождаться развязки Зоя не стала, стремительно подлетела, растолкала обоих в стороны и закричала на Ярова, чтобы он уходил. К ней подключился и Леха, одна только Нина выглядела довольной.

– Зачем ты это затеяла? – не выдержал я, хотя был сто-

ронним человеком и в их конфликте ничего не понимал.

– Так просто, – Нина небрежно пожала плечами. – Интересно было.

– Что «интересно»? Как все поругаются?

– Ты когда-нибудь задумывался, кто победит: лев или тигр? Все обычно отвечают, что тигр, потому что он сильнее, быстрее и яростнее. Вообще-то в природе они не встречаются друг с другом, но я недавно прочла, что такие случаи бывали в зоопарке и в цирке. И в них, говорят, львы побеждали, так как в момент опасности невозмутимы, выносливы и мстительны.

Ее слова прозвучали очень цинично. Ничего себе развлечение. Может, Игорь был прав, когда говорил, что у женщин в голове каша, которая постоянно пригорает?

– Тебе сколько лет?

– А что? – Нина по-девчоночьи вспыхнула, и маска понтов на мгновение слетела.

Видимо, я попал в точку.

– Просто это заметно.

– Что заметно?

– Что ты маленькая еще.

Яров с Трифоновым упрямо продолжали играть и почти сравнивали счет. У Трифонова оставался последний бросок, и он вполне мог обогнать Ярова.

Он отошел, прицелился, сделал два шага, замахнулся и вдруг грохнулся вперед пузом вместе с шаром на дорожку.

Попытался встать, но рука заскользила по натертой маслом поверхности, и шар, медленно прокатившись по краю, благополучно миновал все кегли.

– Ты проиграл, – насмешливо сказал Яров. – Завтра после школы на ЛЭП.

– Иди к черту, – зарычал Тифон. – Это нечестно! Это из-за придурка Криворотова.

– Все с тобой ясно, лузер, – высокомерно бросил Яров и, развернувшись, направился к выходу.

Трифонов порывался кинуться следом, но к нему подскочил Леха и, сдерживая, с силой уперся в грудь. Тогда Тифон схватил подвернувшийся под руку шар и со всей дури метнул в устройство, подающее шары. Там что-то стукнуло, заскрежетало, и лента замерла.

Возле нас тут же нарисовался молодой лопоухий администратор с бейджем «Коринский Василий» и, выпучив рыбы глаза, стал кричать, что мы сломали им оборудование. Тифон еще в запале открытым текстом послал его, а Леха, скосив глаза и выпятив нижнюю губу, принялся корчить из себя умственно отсталого, из-за чего Василий взбесился еще сильнее. И чем больше Зоя извинялась, тем сильнее он орал на нее.

Я вытащил оставшиеся пятьсот рублей и отдал ему. Деньги Василий взял, но бухтеть не перестал, тогда Зоя дала еще пятьсот, и он, убедившись, что шары благополучно доезжают до своего места, наконец оставил нас в покое.

На улице уже совсем стемнело, шел мелкий морозящий дождь, и было очень противно, однако после душной накаленной атмосферы боулинга эта прохлада приятно освежала.

– Зачем ты опять бычку устроил? – в голосе Зои слышались слезы. – Я же просила. Неужели нельзя было сдержаться?

Ее рыжие пряди мигом намокли и повисли жалкими сосульками, смотрясь совсем не так красиво, как во время грозы.

– Я сдерживался, – нахохлившись под черным капюшоном, Тифон виновато покусывал нижнюю губу. – Клянусь.

– Шутишь?

– Я не хотел играть. Ты видела, что не хотел. Это твоя Нинка придумала, что мне еще оставалось делать? Если бы я не сдерживался, то убил бы его еще до того, как он успел отдать тебе этот веник.

Зоя крепко прижала к себе букет, словно Трифонов собирався его отнять, и тут же вскрикнула, уколотившись о шип.

– Достал уже, – заговорила она яростно, с болью и обидой, – когда ты его видишь, ты уже себя не контролируешь.

– Я всегда себя контролирую, – неожиданно тоже разозлился Тифон. – Всегда. Да я только и делаю, что контролирую себя.

– И не только себя, – попытался разрядить обстановку Леха, но внимания на него никто не обратил.

– Если бы я себя не контролировал, если бы не сдержи-

вался, – кулаки Тифона машинально сжались, – я бы...

Его захлестнули эмоции, и он, тяжело дыша, застыл, с упреком глядя на Зою.

Затем вдруг совершенно спокойно сказал:

– Лучше за сестрой своей следи.

Ответить Зое было нечего, и, развернувшись, она почесала в противоположную от дома сторону. По идее, нужно было ее догнать, однако Трифонов не сдвинулся с места, а я протормозил, не зная, как парни расценят такой поступок. Зато Леха особо не размышлял. Припустил за ней бегом, и в ту же секунду я услышал его слезные мольбы о всеобщем прощении.

– Психованная, – тихо проворчал Тифон им вслед.

– Просто день рождения, а получилось как-то не очень.

Застегнувшись, Трифонов сунул руки в карманы, вытащил пенный шарик и улыбнулся:

– Ладно, предположим, я неправ. Хотя я прав. Но в последнее время она постоянно обижается на то, над чем раньше сама бы посмеялась, и психует по любому поводу.

– Может, неприятности какие? – предположил я. – Ты просто не знаешь.

– Я все про нее знаю. С первого класса. У нас секретов нет, – он натянул на лицо бандану. – Хочешь пива?

Пиво для меня и две банки энергетика для Трифопова продал нам некий Ахмет. Отдал в непрозрачном пакете с задней двери маленького продуктового магазинчика. И мы

полезли в детский садик на едва освещенную желтым уличным фонарем веранду с большой дырой в полу. Там, на деревянной лавке под навесом, сидел полусонный лохматый паренек лет семнадцати со стеклянными глазами. Между коленями у него послушно лежал грустный серо-коричневый пес.

– Здорово, Смурфик, – Тифон похлопал парня по плечу, и тот покачулся.

Этот Смурфик был явно под кайфом, поэтому ответить толком не смог. Остальные лавки были гнилые и дырявые, так что пришлось пристроиться рядом с ним.

Только мы сели, как Трифонов продолжил, будто и не прекращали разговор. Видно, всю дорогу про это думал.

– У меня за всю жизнь всего три друга было. И Зоя из них самый проверенный и надежный. У нас с ней – кармическая связь, – он рассмеялся. – Так Нинка говорит, когда в нормальном настроении. Типа, встречались в одной из прошлых жизней. Чушь, конечно, но на самом деле нас с ней как посадили в первом классе за одну парту, так мы до пятого вместе и сидели. У меня тогда шина шейная стояла, и нельзя было никакие резкие движения совершать, а перед нами сидел вредный и злобный жирдос, который постоянно смахивал с парты все мои вещи. Прикалывался так. А двинуть я ему не мог, потому что мама предупредила, что если буду бегать или хулиганить, то инвалидом останусь, как парень с третьего этажа. Полный овощ. На кресле-каталке. И его мать постоянно жаловалась моей, как измучилась с ним. Так что

я очень боялся стать таким же. Короче, когда тот жирный пацан в очередной раз сбросил мои вещи на пол, Зоя как размахнется, как треснет его учебником по голове. Она всегда чуть что, сразу учебником. Тот возмущаться начал, чего, мол, лезет не в свое дело. А она сказала, как сейчас помню. «Не видишь, что мальчик калека? Ему помогать нужно и жалеть». Пошла и сама собрала мои тетрадки.

После этого жирдос стал скидывать и ее вещи тоже. Только она все равно терпела и меня опекала. И он стал дразнить меня калекой, а ее – Элайзой. Помнишь ту страшную рыжую девчонку из семейки Торнберри? Зоя расстроилась, а я сказал, что Элайза добрая и умная, и это для человека гораздо важнее. А как увидел у нее на пенале наклейки с Наруто, то окончательно понял, что это судьба, – Тифон снова усмехнулся и с громким щелчком открыл энергетик. – Тот жирный с друзьями еще долго нас доставал. Подлянки всякие устраивали и просто чмырили. Твари. Но мне не столько за себя, сколько за Зою обидно было. Потому что сама она никого обидеть не могла. Заботилась обо всех. А они ей то юбку задерут, то жвачку в волосы засунут, то подножку поставят. Раз на продленке так толкнули, что она о стенку головой стукнулась. Очень плакала. И у меня даже сейчас, когда вспоминаю то ужасное чувство собственного бессилия, комок в горле. Бессилие – самое страшное на свете чувство. Не чувство обиды, потери, сожаления или боли, а понимание того, что ты не в состоянии ничего сделать. Бессилие –

самое ужасное, что может произойти с человеком. Если бы не Зоя, я бы, наверное, никогда этого и не осознал.

Он сделал большой глоток и помолчал.

– Потом внезапно выяснилось, что никакого разрыва связей у меня нет и не было. Но это отдельный разговор. Так вот, когда мне сняли шину, восемь лет уже ни одна скотина к Зое не суется.

И тут я почувствовал, что самое время спросить про другое.

– А что у вас за напряг с Яровым?

Тифон залпом допил первую банку.

– Да козел он. Думает, что на все право имеет, потому что у него папаша эфэсбэшный полковник, такой же козел, который ему и поступление в универ обеспечит, и тачку, и квартиру, и что угодно. А остальные, типа, не люди, – Трифонов снова стал заводиться. – У меня, например, ничего нет: ни денег на репетиторов, ни связей, ни даже папаша. Вот такое «право рождения». Сам можешь быть хоть каким чмошником, но, если родился наследным принцем, всю жизнь будешь курить бамбук.

Я подумал, что Яров не чмошник, раз он и олимпиады выигрывает, и «хорьков» гоняет, и выглядит, как Райан Рейнольдс на ковровой дорожке, но говорить этого, естественно, не стал.

– Вообще мне плевать, чего он там понтуется. Это все фигня, потому что каждый человек делает себя сам. Любое

дерьмо плывет по течению, а ты попробуй вырулить, если волны тебе прямо в морду.

– Эй, чуваки, – вдруг подал голос Смурфик. – Хотите по-лечиться? У меня есть. Отдам по закупке. Все заморочки как рукой снимет. Меня, например, мать из дома выгнала, а я не парюсь.

– За что выгнала? – заинтересовался я.

Смурфик довольно оскалился:

– Хотел Мохнатого себе взять, а она как разорется. Припадочная. Ну, ничего, без нее справимся. Он же умный, вон, посмотрите, глаза какие, шел за мной и просил, чтобы я взял его. Ну, что я, не человек? Мне пары котлет в день ради спасения жизни не жалко.

– Где ж ты жить с собакой-то собираешься? – Тифон погладил пса между ушами, и тот застучал хвостом по деревянному полу.

– У меня квартира есть шикарная, – похвастался Смурфик, скручивая маленькую папироску. – Кухня огромная с эркером, потолки три метра, два балкона, вид на лес и никаких соседей. Хочешь с собакой, хочешь с медведем живи.

Тифон украдкой подмигнул мне.

– Где это у тебя такие хоромы?

В глазах Смурфика вспыхнул проблеск сознания:

– Договорился с Горбуном, он меня в Башню смерти пустит.

– Да ладно? – удивился Тифон. – Как же там жить: ни све-

та, ни отопления, ни воды?

– Электричество подведено, можно батарею включать, ну а для воды он мне бочку даст. У него там так прошлую зиму семь таджиков жили, – Смурф провел языком по краю своей самокрутки и заклеил ее.

– Это он о той новостройке возле ЛЭП, – пояснил мне Тифон. – Ее три года назад построили. Все готово к сдаче было, но потом несчастный случай произошел: два строителя с крыши свалились – и понеслось: суды, разбирательства. Даже технику кинули. Та квартира Зоина, из-за которой их дядька достает, там как раз.

– Повезло тебе, – сказал я Смурфу. – Меня мать тоже из дома выгнала. Только квартира дрянь.

Трифонов удивленно приподнял брови и недоверчиво покосился на меня из-под капюшона.

Чувство искренней симпатии к нему и вторая банка пива подтолкнули к еще большей откровенности:

– У нее мужик новый и ребенок, а я им на хрен сдался. Пришлось к отцу переехать, но у него тоже семья своя. Жена клуша и ее отмороженный сынок от бывшего.

– Обычная история, – Смурфик беспечно махнул рукой. От его курева пошел запах сушеной травы. – Если че, давай со мной в «нумера». Только оплата в пополаме.

– Это правда? – спросил Тифон очень серьезно. – Тебя мать из-за левого мужика выгнала?

– Ну да. Хренова тренера в фитнес-центре.

– Сочувствую, – он посмотрел мне прямо в лицо, сосредоточенно, с интересом, будто впервые увидел. В размытом свете фонаря его скулы и кончик подбородка казались высеченными из камня, а взгляд непривычно потеплел. Две короткие складки между бровями сделались глубже, чем когда он злился.

– Во, это, я понимаю, трабл, – он немного помолчал, и жестяная банка заскрежетала. – А до этого вы с ней ладили?

– Вполне. Довольно дружно жили.

– Я свою мамку не люблю, – опять влез Смурфик. – Она злобная и животных терпеть не может. Самая большая любовь человека – это он сам.

– Вот и правильно, – Тифон глубоко вдохнул сырой вечерний воздух. – Так и надо. Любить самого себя и ничем не париться. А то иногда так подгорает, что реально проще сдохнуть. Почему еще никаких обезболивающих от этого не придумали? Таблетки, например, или уколы. Сходил, капельницу поставил. Все. Наутро проснулся новым человеком. Кристально чистым, свежим, безмятежным. Никого не любящим.

– Как это не придумали? – Смурфик полез в карман и вытащил пару подозрительных таблеток.

– Не, от этой дряни мозги выключаются.

– Вот от них-то, от мозгов, и все твои неприятности, – поучительно сказал Смурф.

– Если бы от мозгов, – тяжело вздохнул Тифон, морщась

от дыма своей сигареты. — Тогда с этим можно было бы что-то сделать.

— Ты это сейчас о чем? — То ли на меня пиво так подействовало, то ли я совсем потерял нить разговора.

— Отвлекся. Забей. Кстати, чего там у тебя с тем телефоном-то?

Я был рад сменить тему и охотно пересказал ночной разговор с Яной.

Трифонов слушал молча, теребя нитки на драных коленках, потом пожал плечами:

— Давай выясняй адрес. Вместе скатаемся. А то вдруг разводка какая. Всяко бывает. Ну а если реально напряг, то поможем по обстоятельствам.

Домой я возвращался с опаской. Прикидывал, что будет, если учуют запах спиртного.

Но все прошло на удивление спокойно, и запалил меня только Дятел, когда ложились спать.

Сполз на край своей подушки и стал нести полную ерунду, типа того, что с плохой компанией связываться не стоит и что меня там испортят.

Но я старался не слушать. Все думал про Трифонова. Увидел вдруг его совершенно с другой стороны. Словно со мной какой-то новый, третий, человек разговаривал, не тот угрюмый и колючий, которого я видел в школе, и не наглый уличный пацан, а обычный нормальный парень со своими проблемами и заморочками. Я был очень благодарен ему за эту

открытость.

И уже почти совсем провалившись в сон, сквозь занудное бормотание Дятла услышал приятный мелодичный звук от-
рубающегося телефона. «Нокиа» все же сдох, а номер Яны
я, конечно же, забыл сохранить.

Глава 7

В понедельник в школе Тифон с Зоей общались так, словно ничего не произошло. Будто они и не ссорились вовсе. Про Ярова никто не вспоминал, и в последующие несколько дней, вплоть до похода на ТЭЦ, после которого события закрутились с такой скоростью, что я едва успевал отсчитывать дни, все вошло в обычный жизненный ритм: домашка, контроши, уроки, тушеная капуста и Дятел под боком. Ничего необычного, за одним лишь исключением: после боулинга Трифонов, Криворотов и Миронова неожиданно приняли меня.

Помню, в детстве я смотрел такой старинный мультик – «Замок лгунов». Там был мальчик, который не слушался маму и все время обманывал. Однажды он встретил странного человека в высокой голубой шляпе, и тот отвез его в замок, где жили мальчишки-обманщики. Они показывали мальчику разные красивые вещи, оказывавшиеся потом ненастоящими: мороженое из мыла, надутый диван, который лопался, когда на него садились, нарисованные двери, даже сам замок был обычной палаткой. Из-за этого обмана мальчик вечно попадал в глупое положение, а те ребята угорали до слез, радуясь, что им удалось так хорошо его обмануть.

Так вот, каждый день, затаив дыхание, я ждал противоположного глумливого смеха за спиной. Но прошла почти неделя, и

никто не засмеялся.

На ТЭЦ мы отправились в субботу, когда стемнело. Впятером. Потому что ищущая острых ощущений Нина уговорила Зою взять ее с собой.

В большинстве дворов, через которые мы шли, было темно и довольно безлюдно. И чем дальше мы удалялись от метро и основных автомобильных дорог, тем мрачнее становились виды. Глухомань глухоманью. Жутковатый район. Ветхие пятиэтажки с балконами, грозящими вот-вот рухнуть вниз от наваленного на них старья, длинные ряды гаражей, глухие заборы промзоны с колючей проволокой наверху.

А еще по мере нашего приближения к ТЭЦ повсюду нарастал низкий равномерный гул, тревожный и угнетающий. Словно огромную турбину запустили. Такой звук бывает в серьезных психологических триллерах для создания атмосферы.

Один бы я никогда в эти места не сунулся. Но ребятам, похоже, было не привыкать, и Зоя почти всю дорогу весело болтала с Трифоновым о модных бородах, от которых ее бросает в дрожь, и татуировках, которые ей нравятся. Леха переписывался на ходу, а Нина курила одну за одной и по-малкивала.

Мы перешли узкий проезд и уперлись в серую бетонную стену. Даже в темноте было видно, какая она грязная и старая. За припаркованным на тротуаре зеленым микроавтобусом, лихо расписанным в стиле стрит-арта, в который вре-

зался не следящий за дорогой Леха, обнаружилась большая дыра в заборе, пробитая примерно на уровне колен.

Осторожно, один за другим, мы пролезли через дыру и выбрались на прилегающую к ТЭЦ территорию. Гул многократно усилился. Слева тускло мерцали беловатые фонари. Тифон пояснил, что там сидят охранники и время от времени делают обход территории.

Оказалось, чтобы попасть на заброшку, нужно было еще перелезть сетку, поэтому мы, пригнувшись, прошли вдоль нее и остановились позади высокого прямоугольного здания из стекол и бетонных блоков. Тифон велел нам с Лехой лезть, а сам остался подсаживать девчонок. Но Зоя от его помощи отказалась и, вцепившись длинными пальцами в крупные ячейки сетки, с ловкостью кошки перепрыгнула на другую сторону.

Нина же нарочно обождала, пока он поднимет ее и передаст Лехе, который без особой нежности перетащил девчонку, словно тяжелый тюк. Нина недовольно фыркнула, что он не Криворотов, а Криворуков, Леха ответил, что в следующий раз она полезет сама, и они громким шепотом принялись обзывать друг друга. Но где-то в отдалении залаяли собаки, и им пришлось замолчать.

Быстро перемахнув следом за нами сетку, Тифон по-деловому направился к зданию. Дошел до маленького крылечка с узкими ступеньками, ведущими к двум металлическим проржавевшим дверям, подергал за ручку сначала одну, по-

том вторую. Вторая открылась.

Настораживаясь от малейшего скрипа, мы просочились внутрь, и первые пару минут толкались на одном месте, тесно прижавшись друг к другу и пытаясь привыкнуть к темноте. Но потом зажгли фонарики на телефонах, и стало значительно веселее.

Я схватился за Лехину джинсовку, сзади пристроилась Нина. И так, цепочкой, как в сказке про золотого гуся, мы медленно двинулись по коридору, вскоре оказавшись в каком-то очень большом помещении. Свет фонариков выхватил из темноты огромные металлические ящики, а за ними – точно свернувшегося кольцами гигантского змея – замысловатую конструкцию из водопроводных труб. Потом начинались лесенки, вентили, серебристые воздуховоды, поблескивающие в падающих на них лучах.

– Здесь такой запах, как у отсыревшего мармелада, – прошептала мне на ухо Нина. – Кисло-сладкий.

– Тошнотой так воняет, – подсказал Леха.

Все сразу начали принюхиваться. Нина была права, запах стоял странный и неприятный. Наверное, то было сочетание разных запахов: плесени, ржавчины, хлорки, как будто даже мокрой бумаги.

И тут в глубине прилегающего к залу коридора мы различили тусклое электрическое свечение.

– Тормозните здесь, – скомандовал Тифон, – проверю, что там. И вырубите фонари.

Медленно обойдя трубы, он пошел к коридору.

– Ничего не видно, – пожаловалась Зоя.

– Темнота – друг молодежи! – Леха тут же стиснул ее в объятиях и прижал к стене.

– Криворотов! – взвизгнула она. – Перестань! Охрана услышит.

– А я тихо, – отозвался Леха. – Это ты шумишь.

Зоя стала отбиваться, и завязалась слепая возня. От нервного напряжения всем хотелось сходить с ума.

Трифонов вернулся и сообщил, что это просто аварийная подсветка, и в коридорах охранников нет. Немного расслабившись, мы пошли за ним и вскоре попали в просторный холл с множеством приоткрытых дверей.

– Кто-то обещал, что будет страшно, – недовольно сказала Нина. – Но, кроме грязи, вони и Криворотова, тут ничего пугающего.

– Если я обещал, значит, будет.

Тифон крепко схватил ее за руку и потянул обратно в темноту, дальше по коридору. Мы отправились за ними.

Наверху запустение и затхлость чувствовались сильнее, чем на первом этаже, где, казалось, все находится в почти рабочем состоянии. Стены во многих местах были расписаны граффити, в нескольких помещениях мы наткнулись на выбитые стекла и использованные шприцы. Металлическое покрытие пола вибрировало под нашими ногами.

Наконец мы попали в застекленную мелкими квадратны-

ми окошечками просторную залу. После коридорного мрака от белого света наружных фонарей в ней было почти светло. Кругом завалы железа и хлама, но по центру доступный проход. Мы немного огляделись, сделали пару шагов и вдруг одновременно остоленели.

В блеклом свете среди темных перекрестий металлических балок у потолка на длинной толстой веревке безвольно болталось человеческое тело.

Зоя ахнула и схватила меня за руку. Но не успел я и сам сделать глубокий вдох, как Леа громко, по-женски истошно завизжал и бросился назад в коридор.

– Идиот, что ли? – Трифонов зло поймал его за шкурку и потрянул. – Забыл про охрану?

– Забыл, – выпучив глаза, усердно закивал Леа. – Все забыл. Напрочь. Стремно-то как!

– Это человек? – неуверенно спросила Зоя.

– Иди убедись, – кивнул в сторону повешенного Тифон.

– Теперь понятно, чем так воняет, – довольно равнодушно, а может, просто делая вид, что ей безразлично, чтобы перед Трифоновым выпендриться, сказала Нина.

Мне стало не по себе. Особенно после того, как она напомнила про запах. Я его тоже почувствовал – тошнотворный, сладковатый, гораздо более острый, нежели прежде.

– Ну что? – усмехнулся Трифонов. – Кто тут смелый?

– Не я, – выпалил Леа. – Ненавижу такое. Я лучше в коридоре покурю, чтобы запах забить.

Мионовы осторожно, но довольно решительно двинулись вперед. Я за ними. Медленно, не в силах оторвать взгляд от мрачного силуэта.

Он висел к нам спиной, совсем худой, в черном капюшоне, с какими-то чересчур прямыми ногами и руками. А голова, наоборот, была круглая и очень большая. Совсем непропорциональная телу.

Зоя остановилась метрах в двух и принялась разглядывать повешенного, а Нина нагнулась, подняла что-то с пола и кинула в него.

Повешенный закачался и стал медленно поворачиваться к нам той стороной, где у него лицо. Выглядело это ужасно, и лишь понимание того, что позади стоит Тифон, удерживало меня от позорного бегства. А когда тело все-таки докрутилось, нашим глазам предстало белое безносое лицо с большими черными глазницами и нарисованным широким ртом.

Нина непроизвольно вздрогнула, а Зоя, резко отпрянув назад, до боли вцепилась мне руку. Чему я был только рад, потому что сам не знал, за кого схватиться.

– Боже! – едва слышно прошептала она. – Так это же просто чучело!

– Крантец! – с чувством произнесла Нина.

Тифон довольно хмыкнул.

– Чего смеешься? – бросила ему Зоя. – Это было жестоко, у меня аж ноги подкашиваются.

Она выпустила мою руку и облокотилась об одну из на-

ставленных металлических стоек, какими обычно загораживают проходы в метро.

Вернулся Леха. Нина насмешливо покосилась на него.

– Что, Криворотов, штаны просушил?

– Ой, Миронова, про этого повешенного вся округа знает. Уже больше полугода тут висит. Жориком зовут. Сам не видел, но сразу догадался, куда вас Тифон повел.

– Я только не пойму, почему все-таки воняет, – Зоя покрутилась в разные стороны, будто надеясь отыскать источник вони. Из-за этого стойка под ней накренилась, Зоя пошатнулась и, не удержавшись, со страшным грохотом рухнула внутрь огражденного угла с кучей непонятного хлама.

Мы бросились к ней. Там, в темноте среди тряпья, трудно было разглядеть саму Зою. Но потом она выругалась и задергала ногами.

Криворотов и Нина громко заржали.

Нырнув в темноту, Трифонов стал помогать, но тут вдруг Зоя как завопит: пронзительно и дико, громче и истощнее Лехи. А затем с такой силой вцепилась Тифону в шею, что он вместе с ней завалился вперед. Зоя завизжала еще громче, а Леха и Нина закатились еще больше.

Но я не смеялся, потому что отчетливо услышал в ее голосе ужас. Сунулся к ним, но у Зои то ли от падения, то ли от стресса случился нервный припадок.

– А-а-а! Волосы! Рука! Живот! Трифонов! Боже! Мои волосы!

– Не ори на ухо, – прохрипел Тифон. – И не лягайся.

Но Зоя продолжала дергать ногами, отчего я никак не мог ухватить ее, и в следующую секунду диким голосом взвыл уже Трифонов.

Все это походило на сущее безумие.

Наконец Леха помог выбраться Тифону, а я поднял брыкающуюся Зою.

Тифон остался сидеть на корточках, глотая воздух и не в силах разогнуться, а Зоя, всхлипывая, помчалась к выходу.

– Что происходит? – бесстрастность Нининого голоса поразила меня.

– Там, – прохрипел Трифонов, тыча пальцем в сторону кучи. – В натуре трупешник. Реальный.

Мы с Лехой метнулись в угол. Леха зажег фонарик и осветил. Дрожащий луч бестолково скакал среди вороха тряпок, но потом вдруг поймал нечто голубовато-белое, похожее на человеческую кожу, и мы совершенно четко увидели согнутую человеческую кисть с одеревеневшими пальцами, безжизненную и посиневшую.

– Е-мое, – прошептал Леха. – Жесть.

Нина стояла сзади меня, глядя из-за плеча, крепко прижавшись и нервно дыша. Судя по всему, и ее наконец пробрало.

Луч медленно пополз вдоль руки, по локтю, плечу, дошел до шеи, и через пару секунд нашим глазам предстало лицо мертвеца. Такое же синюшно-белое, как и рука.

Меня передернуло. Разглядывать подробнее не хотелось.

– Ладно, уходим, – Тифон поднялся.

Зоя, уткнувшись лицом в ладони и всхлипывая, сидела у стены в коридоре.

– Ну ты что? Подумаешь. Ну, мертвяк. Чего такого? – Тифон присел рядом, ласково обнял ее голову и попытался погладить, но она испуганно отстранилась.

– Осторожно. Ты и так мне чуть все волосы не выдрал.

– А ты меня чуть без наследства не оставила. Какого черта так ногами дергала?

– Да потому, что я прямо на нем лежала!

– Убитый? – поинтересовалась Нина.

– Иди и сама проверь. Я вообще ничего не видела, кроме куртки Трифонова. Только чувствовала, как он прикасается ко мне, и чуть сознание не потеряла, думая про это.

– Ого, – присвистнул Леха, – какие подробности.

– Да замучил ты уже со своими пошлостями. Этот покойник. Его рука к моему лицу прижималась.

– Бомжара какой-нибудь, – сказал Тифон. – Или наркоша. Вечно они мрут в таких местах.

– Наверное, нужно полицию вызвать? – предложил я.

– Проникновение на охраняемый объект – пятнадцать суток, ну или штраф, – со знанием дела сообщил Криворотов. – Точняк, проблемы будут.

Обратно шли очень тихо, никто не разговаривал, только Зоя время от времени всхлипывала. Просочившись на ули-

цу, мы вывалились в освежающий сентябрьский вечер, и я чуть не опьянел от чистого, невоющего воздуха.

Мы осторожно двинулись в сторону сетки и успели пройти совсем немного, когда из-за угла показалась группка азиатов в серой спецодежде охранников. Увидев нас, они остановились, мы, не раздумывая, рванули вперед, охранники – за нами.

Уж что-что, а бегал я замечательно, спасибо шести годам футбола. Долетел до сетки первый. В спину с разбега впечатался Леха. Он обернулся и, увидев, что девчонок вот-вот поймают, помчался наперерез охранникам. Тифон свернул за ним. Охранники немного растерялись, но потом действительно кинулись за парнями.

Зоя сама перемахнула сетку. Я подсадил Нину.

– Что делать? Что делать? – Зоя металась вдоль сетки из стороны в сторону.

– Я колготки порвала, – траурным голосом сообщила Нина.

И тут я принял решение, глупое, наверное, совершенно незрелое, но в тот момент показавшееся единственным, – стараясь держаться в тени, двинулся вдоль сетки на голоса. Собаки совсем остервенели и захлебывались лаем.

Охранников было пятеро. Четверо молодых азиатов и один возрастной, почти все с палками. Один из молодых сбил Леху с ног и сел на него верхом, остальные в нерешительности остановились неподалеку. Напротив них стоял за-

пыхавшийся и очень злой Трифонов с огромным куском трубы в руке.

– Нарушитель! – закричал возрастной мужичок на ломаном русском. – Полиция звонить.

– Звони куда хочешь, – заорал ему в ответ Тифон, – но пусть твой урод с моего друга слезет.

– Нельзя. Нарушитель.

– Тогда, блин, вам хана, – размахивающий трубой Тифон выглядел нереально стремно, и я бы на месте охранников еще сто раз подумал, прежде чем с ним связываться.

Они тоже это видели, поэтому замешкались.

Леха же, дико извиваясь на земле, изо всех сил пытался спихнуть с себя здоровяка килограммов в сто.

А возрастной, наверное, их главный, как запрограммированный, повторял:

– Нарушитель, нарушитель.

У меня не было никаких сомнений, что если начнется серьезная драка, то парням капец. Азиаты молодые и здоровые, и пускай Тифон сколько угодно герой, ему всего семнадцать.

И тут не знаю, где у меня переклинило, потому что неожиданно для самого себя я выскочил как полудурок на свет и заорал:

– Эй! Мы школьники! Мы дети! Мы ничего не брали!

Показал пустые руки и вывернул карманы.

– Дети? – явно притормаживая, переспросил возрастной.

– Да! Да! – я тоже распсиховался.

Охранники странно переглянулись, бросили друг другу по паре фраз, а потом тот, который сидел на Лехе, поднялся и отпустил его.

Возрастной, нахмурившись, погрозил нам пальцем, а затем неожиданно направился к шлагбауму и открыл калитку. Но перед тем, как мы вышли, отобрал у Тифона трубу и снова погрозил.

Девчонки стояли неподалеку, возле дороги. Как только они заметили нас, Зоя с громкими криками радостно налетела на каждого по очереди и повисла у Тифона на шее.

– Все нормально? – спросила Нина.

– Все зашибись, – Леха попытался оттереть грязь с джинсов. – Мы их сделали.

– Как сделали? – Нина взяла меня за локоть и заглянула в лицо, проверяя, нет ли синяков.

– Да уж, Никитос, – Тифон широко и очень весело улыбался, – не ожидал от тебя. Дети, блин.

Леха заржал конем. Мы были еще на нерве и вели себя как пьяные.

Я отмахнулся, самому было смешно и немного неловко.

– У меня бывает в критических ситуациях.

– Да нет, нормально все. Это Криворотов козел, потому что телефон вечно теряет, а ты прикольно придумал. Спасибо, что вернулся, – Тифон подставил ладонь.

Я отбил ему по руке и, поддавшись дружескому порыву,

обнял Зою за плечо. Мне хотелось обнять их всех, но это было бы глупо, поэтому я ограничился только ею, и она не возражала.

Глава 8

Однако уже дома, пока я ужинал, пока механически отвечал на расспросы бабушки о школе, пока Дятел разглагольствовал о своем метаболизме, я только и думал, что о покойнике. О том, какой жуткий был у него вид. Пытался представить, что чувствовали Тифон и Зоя, находясь рядом с ним.

Время от времени его серо-голубое лицо сменялось белой тряпичной головой с широкой прорезью рта повешенного, и картинки становились еще ужаснее. Пару раз я пытался отвлечься, вспоминая, какая теплая и мягкая была рука у Зои и как приятно пахли ее волосы, но труп снова и снова настырно вставал перед глазами.

– Слушай, – хоть на что-то Дятел мог сгодиться, – а как долго может лежать труп, не разлагаясь?

Он убрал в сторону книгу и охотно повернулся ко мне.

– Ну... Бактерии заполняют труп сразу, как только он переходит в стадию окоченения. Тут все зависит от самого организма, сколько в нем было микробов.

Вопрос его, похоже, ничуть не смутил.

– Вздутие начинается где-то часов через семь, а гниение сутки на третьи. Но это не точно. Хочешь, я загуглю?

– Забей, – я снова отвернулся к белым с золотистыми вензелями обоям.

Лучше бы и не спрашивал. Подобные знания ясности

мыслям не прибавляют.

– А зачем тебе?

– Не твое дело.

– Ты когда-нибудь настоящего мертвеца видел? – Дятел уже переоделся в байковую пижаму и выглядел в ней очень по-детски. – А я видел. Когда в больнице с менингитом валялся. Один мальчик на соседней кровати умер. Его мама очень плакала. Я тогда не понимал, чего она так плачет, потому что он ни капли не изменился.

Он на пару секунд замолчал, а потом внезапно переменял тему:

– Никит, а ты катался с Трифоновым на мотике? Здорово, наверное, на мотике? Ты только не злился, я тут вот что подумал, а может, поговоришь с ним насчет меня? Может, я тоже буду дружить с вами? Нет, ну, конечно, не за просто так. Я взамен могу с математикой помочь. Он же хочет подтянуть математику.

И тут меня разобрал дикий, гомерический хохот. Возможно, от нервов или от патологической глупости Дятла, но ржал я минут пять, не переставая. Так, что он озадаченно спросил:

– Ты чего?

– Как тебе такое вообще в голову взбрело? Дружи вон с этим Голубевым или как того прыщавого очкастого ботана?

– Давид?

– Во-во, с Давидом. И с его приятелями.

– Но я не хочу с ними дружить. Они неприятные. Подлые

и завистливые.

– А у нас дурная компания.

– Я знаю.

Это было очень нелепое и странное заявление. Дятла от Тифона с Лехой отделяли миллиарды световых лет. Он был совершенно из другой системы, из иной галактики, из другой вселенной.

– Ты реально думаешь, что с тобой будет хоть кто-то из серьезных ребят общаться?

– Но я тоже хочу на мотике, – почти шепотом проговорил он и нервно сглотнул.

– Ладно, – неожиданно сам для себя сказал я. – Возможно, я смогу тебе помочь. Только нужно пройти одно испытание.

– Правда? – голубые глаза радостно округлились. – Типа прописка? Я готов!

Это было нечестно, но меня распирало.

– Позвони сто два и скажи: «На ТЭЦ возле леса лежит труп». И все, больше ничего.

Любой другой на месте Дятла начал бы спрашивать, что за труп, с чего я это взял и зачем это нужно. Любой, но не Дятел. Вместо этого он поинтересовался:

– А какой номер ТЭЦ? Знаешь, сколько в Москве ТЭЦ? И лесных массивов не меньше сорока.

– Ты в этом районе сто лет живешь, вот сам и разбирайся.

– Та, что у нас из окон видна? Хорошо. Я понял, – Дятел выбрался из кровати, подошел к письменному столу и

открыл ящик, где из-за бабушки, утверждающей, что излучения от телефона разрушают мозг, он хранил свой мобильник.

Затем, ни капли не раздумывая, набрал номер, немного подождал, а когда ему ответил дежурный, выложил все, как я велел, прибавив к этому название улицы. После убрал телефон назад и вернулся в кровать. А я как сидел с открытым ртом, так и остался сидеть.

– Все, – сказал он. – Теперь поговоришь с Трифоновым?

– Ну ты и дебил.

– Почему? – он захлопал глазами.

– Может, я пошутил?

– Нет, не шутил. Ты же не просто так спрашивал про покойника. А я всегда стараюсь неприятное побыстрее сделать, чтобы потом не думать про это.

Смутный, неясный страх сменился паникой. Что теперь будет? Как отреагирует полиция? Что я скажу ребятам? Как объяснить, откуда узнал Дятел?

И тут, как бы в подтверждение моих мыслей, ящик стола бешено завибрировал. Так и есть. Перезванивают.

Дятел вскинулся и насторожился.

– Не отвечай, – строго сказал я. – Решат, что розыгрыш, и ничего не будет.

– Но ты же сам хотел.

– Это я тебя проверял. На слабо.

Лицо его стало сосредоточенным, видать, он всерьез об-

думывал этот вариант.

– Хорошо, что я догадался не со своего звонить.

– А с какого же?

– С «нокии» той. Ты говорил, что она чужая.

– Так она же не работает.

– Уже работает. Я ее зарядил. Хотел тебя порадовать. У меня старый телефон точно такой же был, только серый.

Я с облегчением вздохнул. Оказывается, Дятел мог сделать что-то умное.

А через полчаса или больше, потому что мы заснули уже, телефон снова зазвонил. Мы перепугались и лежали, затаившись.

– Может, ответить, а то не поверят? – прошептал Дятел.

– Нужно вообще выбросить эту симку. Одни неприятности от нее.

Я встал, уже собрался вытащить карточку, но не удержался, раскрыл «Вотсап», скопировал номер Яны и отправил на «сяоми». Пусть будет. На всякий случай. Затем выковырял симку, открыл окно и выбросил ее.

Наутро я все же решил поговорить с Трифоновым насчет Яны. Набрал ему, и он предложил зайти, потому что еще не вставал.

Дверь мне открыла мама Тифона – симпатичная русоволосая женщина с каре и такими же ярко выраженными скулами, как у сына.

– Спят они. Под утро притащились. Сил уже нет объяс-

нять, что если вдруг полиция заберет, то это мне придется оправдываться и штрафы платить. Ты тоже по ночам шляешься черт-те где?

– Нет.

– А школу прогуливаешь?

– Нет.

– Завидую твоей маме! Сразу видно, приличный мальчик.

Не то что эти...

– Мам, ну хватит, – Тифон, мятый и сонный, выполз в коридор. – Чего ты все ругаешься?

– А то, что никаких сил у меня на тебя нет. И нервов.

– Я же тебе звонил, – голос у него был еще более хриплый, чем обычно, а на щеке и на груди отметины от подушки.

– И что с того? Вечно в какие-нибудь неприятности влезаешь.

Ругалась она по-доброму, будто через силу.

– Я правда не мог раньше прийти. Честное слово. Не обижайся.

– И полотенца мокрые на батарею не развесил. Чего приспичило в четыре утра мыться?

– Сейчас развешу, – Тифон обнял ее и поцеловал в щеку. – Сделаешь сырники?

– На всех?

Он вконец разулыбался и довольно кивнул.

– Мама у меня золото, – с гордостью сказал Тифон, когда она ушла. – Все понимает. А отчитывает для порядка. Про-

ходи.

Я вошел в комнату. Обстановка там была очень простая. Мебели мало: с одной стороны узкий шкаф и стол со старым огромным монитором. С другой – угол со шведской стенкой и болтающейся на ней длинной боксерской грушей. Там все было увешано фотками и плакатами разных бойцов и чемпионов, в которых я совершенно не разбирался.

А посередине на разложенной кровати сладко сопел Леха.

– А чего вы всю ночь-то делали? – тихо, чтобы не разбудить Леху, спросил я.

– Смурфика искали. Помнишь Смурфика? Все злчные места обошли. В итоге нашли его прямо на дороге. Сидел на обочине, рыдал. Его собаку машина сбила. Там такой поворот есть гадский: когда выезжаешь, то ни пешеходов, ни выезжающие с боковой дороги машины не видно. Вот Смурфу и вздумалось в ночи дорогу переходить, хорошо, хоть сам жив остался.

– Что это он вам так срочно понадобился?

– Да чего-то мы подумали-подумали и решили, что плохо там этот трупешник оставлять. Человек все-таки. Может, у него даже родственники есть. А Смурф, он – стукачок. В ментовку как домой ходит. На нариков, бегунков и тех, кто в розыске, стучит. Особенно на приезжих. Они на автовокзале с автобуса ссаживаются, а он тут как тут. За это полиция его самого не трогает, закрывает глаза на то, что наркотой промышляет. Вот мы и решили его попросить про покойни-

ка рассказать. Жаль только, что повешенного Жорика тоже снимут. Такой он классный.

– Андрюша, – в комнату заглянула мама, – я там все на столе поставила. Пойду схожу в магазин.

– Ну, мам, – примирительно сказал Тифон, – я сам попозже схожу.

– Все. Пока.

– Нет, правда, ты куда? – он вдруг забеспокоился и, вскочив, выбежал за ней в коридор. – Ты из-за того, что я поздно пришел? Ну, мам. Я сам все сделаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.